

НИКИТА БОГОВИН

ПОСЛЕДНИЙ
ИЗ РОДА МИРАРИН
ВОЙНА НА ЛОРОНИНЕ

18+

Никита Боговин
Последний из рода Мирарин.
Война на Лоронине
Серия «Последний из
рода Мирарин», книга 1

*<https://litres.ru/73939226>
SelfPub; 2026*

Аннотация

У Винириона две памяти: одна – о доме, где пахло чернилами, другая – о ночи, которая обратила всё в пепел. Между ними уместилось всё, во что он верил и что потерял. Теперь он носит на груди камень, забирающий боль, и слышит внутри голос, который обещает силу, если перестать сопротивляться.

Рядом девушка, которую он когда-то знал под чужим именем. Она держит его за руку в те моменты, когда тьма подступает ближе всего. Но чтобы защитить её, ему, возможно, придётся стать тем, кого она боится. А чтобы остаться собой – отказаться от того, что уже пустило корни.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	16
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	52
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	74
Глава 10	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Никита Боговин Последний из рода Мирарин. Война на Лоронине

Пролог

Корнелий

15 Альтйора 915 год город Ровнобалас

Ночь выдалась по-альтйорски студеной. Узкое море с остервенением дробило волны о скалы, и с каждым ударом солёные брызги взлетали к витражам. Там, за толстым стеклом, замерли лики Шести. Боги вечно смотрели из Пустоты, безучастные к воде, рвущейся о скалы.

Я заставил себя отвернуться от алтаря. Молитва Сханне заполняла собор – монотонная, выпрашивающая покой для грешных душ. Бесполезно. Боги не слушают тех, кто дрожит от страха. А я дрожал. Мелко, непрерывно, хоть и старался унять эту дрожь, сжимая пальцы на рукояти меча. Бронзовая драконья лапа на устье ножен привычно холодила кожу. Я стоял за спиной императора, чувствуя себя самозванцем: мальчишкой, которого нарядили в доспех и поставили на ме-

сто, где должен быть взрослый рыцарь. Но взрослых рыцарей здесь не было. Только я.

Резкий порыв ветра рванул балконную дверь, бросив в лицо колючий снег. Я налёг на створки, задвинул тяжёлый засов, перевёл дух. Гул молящихся вновь заполнил зал – неразборчивый круговорот слов, в котором тонули мысли.

В толпе была лишь одна фигура, имевшая значение. Император. Скрытый глубоким капюшоном, он замер у алтаря – отрешённый, неподвижный. Глядя на его спину, я чувствовал, как под ложечкой разливается ледяная пустота. От меня легче избавиться. Я гнал эту мысль.

Рыцарь Драмелы. Когда я услышал это звание впервые, внутри всё сжалось. Прародительница императоров, богиня баланса... я не выбирал служение ей. Влияние отца всегда опережало мои желания на десять шагов. Письмо брата о его кончине стало глотком воздуха в душном склепе. Я корил себя за эту вспышку облегчения – стыдную, недопустимую, – но она пробивалась наружу, неудержимая, как ураган за стенами собора. Отец был мёртв, но его воля всё ещё вела меня за руку.

И всё же даже власть покойного лорда Роквейна не объясняла главного: почему я здесь? Рядовые рыцари Ордена могли десятилетиями не видеть правителя, а я стоял в одиночном карауле за спиной императора. Драконы распорядились иначе, столкнув меня с императрицей Линнеей два года назад. Тогда я счёл это благословением. Теперь – проклятием.

Она заметила меня, запомнила, приблизила – и теперь я стоял здесь, в пустом соборе, сжимая меч, который не был готов поднять. Позже, когда она взяла меня в личную охрану, то сама показала мне потайной ход – на случай, если когда-нибудь придётся бежать без оглядки.

Сейчас, наблюдая за неподвижной спиной правителя, я чувствовал лишь глухое недоумение. У него не было другой охраны. Мой меч казался мне нелепой игрушкой. Что я мог противопоставить настоящему врагу?

Но кроме императора в зале была ещё одна фигура, внушавшая безотчётный страх. Великий аббат Ламбер Янгрин возвышался на кафедре, медленно ощупывая толпу единственным здоровым глазом. О нём шептались разное: поговаривали, будто ради власти он продал душу Альтйорам и после смерти его ждут лишь бездонные муки в Марловазе. Я не верил сплетням, но под его взглядом цепенел, ощущая себя прозрачным. Ламбер приходился императору родственником, но его глаза были лишены «имперского» золота. На меня смотрел холодный, оценивающий взгляд.

Закончив молитву, аббат кивком велел зажечь свечи. В нос ударил густой запах ладана и жжёного воска, оседая в горле горьким осадком. Я не смел даже кашлянуть.

Прихожане потянулись к выходу, испуганными тенями проскальзывая мимо стражи. С каждым открытием дверей внутрь врывался сквозняк, пробирая сквозь поддоспешник. Когда зал окончательно опустел, император усталым жестом

откинул капюшон, поправив седые волосы с потухшей рыжиной – всё, что осталось от имперской крови.

– Ваше величество снова решило почтить мою проповедь, – произнёс Ламбер. В его голосе не было и тени почтения; он смотрел на правителя сверху вниз, как на затянувшуюся доuku.

Сцена была невыносимой. За подобную заносчивость любого другого ждала бы плаха, но здесь, в холодном полумраке собора, правила Империи словно теряли силу.

– Ты, как и всегда, прозорлив, Ламбер, – отозвался император. Голос его звучал сипло, с болезненным хрипом.

– Что ж, не стану мешать вам и далее прославлять Шестерых.

Аббат направился к лестнице. Проходя мимо, он пронзил меня взглядом – коротким, как удар мизерикордии. Эфес меча стал скользким от пота. Ламбер скрылся в тенях. Мы остались одни.

– Корнелий, подойди, – позвал император.

Я подчинился, стараясь не скрести сапогами по плитам.

– Какой сегодня день?

В его голосе сквозило нечто новое – пугающая прозрачность.

– Пятнадцатое Альтйора девятьсот пятнадцатого года, – ответил я, пряча дрожащие руки за спину.

– Без формальностей. Ты не из той своры лордов, что исходит сейчас желчью в совете.

Голос Мирина звучал надломленно. Император медленно перевёл взгляд на изображение Сханны. Богиня Смерти смотрела на него в упор, холодная и равнодушная.

– Скажи, заслуживают ли жизни те, кто убивал ради высшей цели? – произнёс он тихо, будто обращаясь к трещине в алтарном камне.

Я затаил дыхание. Любое моё слово сейчас было бы кощунственным. Мирин крутил между пальцев седой ус, не отрываясь от лика Сханны.

– Простит ли этого человека супруга, чьего отца он погубил? – Хрип в его горле стал отчётливей. – И простит ли он сам себя за казнь братоубийцы, лишившего жизни его собственного отца?

Я молчал, оглушённый тяжестью этих признаний. Мои слова не имели веса.

– Тот день выжжен в моей памяти, – Мирин коротко, сухо рассмеялся, и этот звук был страшнее плача. – Стоял такой же мороз, так же бесновалось море. Столица гудела, охваченная празднеством, а убийца, ослеплённый триумфом, не замечал, как отсекает часть собственной души.

Ветер за стенами взвыл, и тучи проглотили остатки лунного света. Собор погрузился во тьму. Я слышал эти признания не раз, и каждый раз мне хотелось заткнуть уши. Мальчишке моего возраста не полагалось знать, сколько крови впитала в себя корона.

Тишину разорвали стремительные, тяжёлые шаги. Створ-

ки дверей с грохотом ударились о стены, впуская в собор яростный порыв стужи. Ветер слизнул пламя свечей, оставив лишь один дрожащий огонёк.

В храм ворвался принц Легендар. Его высокая фигура в дорожном плаще казалась огромной под низкими сводами. Но страшнее всего были его глаза – они горели расплавленным янтарём, не мигая.

– Отец. – Его голос прозвучал негромко, но в нём звенела сталь. – Какого Альтйора ты здесь?

– А разве для этого существует подходящее время? – отозвался император. Он даже не повернулся. Просто опустил плечи – как человек, который давно ждал удара в спину.

Долг взял своё. Я шагнул вперёд, пытаюсь встать между ними, и рука сама нащупала холодную сталь эфеса. Легендар даже не взглянул на меня.

– Корнелий, отойди, – негромко произнёс император. В его голосе не было злобы, только бесконечная усталость.

Я неохотно отступил, но ладонь так и осталась на эфесе. Кожа на загривке стянулась.

– Ты даёшь слишком много воли тем, кто её не стоит, – произнёс принц, подходя к алтарю.

– Преувеличение всегда было твоим изъясном, сын.

– Преувеличение?! – Легендар сорвался на крик. – Ты позоришь наш род! Лорды в Совете уже готовы глотки друг другу перегрызть, пока ты молишься!

Здесь, без свидетелей, он сбросил маску почтительного

наследника.

– И что, по-твоему, Империя рухнет от того, что пара стариков заждалась вина? – Мирин наконец повернулся. Его лицо казалось высеченным из серого камня.

– Ты сам вырезал собственного дядю, чтобы сесть на трон. А теперь твердишь мне о традициях? – Голос принца упал до шёпота, и от этого шёпота стало холоднее, чем от крика. – Совет, который пригрела Риния, сожрёт нас, пока ты стоишь на коленях перед алтарём.

Я дёрнулся было вмешаться – оскорбление рода Роквейнов жгло не хуже огня, – но император резким взмахом руки пригвоздил меня к месту. Я замер. Воздух в соборе сгустился.

– Традиции – это кости, на которых держится Империя, – голос правителя оставался пугающе ровным.

Легендар ничего не ответил. Он смотрел на отца, и в его молчании было что-то окончательное. Я нутром почуял беду – запах, резкий, как воздух перед грозой. Наплевав на запрет, я напряг мышцы для броска.

Но император снова поймал мой взгляд. Его губы дрогнули – беззвучно, одними лишь губами: «Беги. Спаси её».

И в этот миг Легендар выхватил из-за пояса нож.

Сталь блеснула в свете последней свечи. Я услышал звук – короткий, влажный, – с которым клинок вошёл в плоть. Император выдохнул – глухо, животом, – и начал оседать на колени.

Мир взорвался.

Сначала – просто толчок. Горячий, тупой, будто в лицо врезался камень. А потом скула онемела, стала чужой, и рот наполнился солью и медью. Горячее залило глаз, и мир справа исчез – только багровая пелена. Я зажал лицо ладонью, пальцы наткнулись на что-то влажное, рваное. Звук стал ватным. Вкус крови – резкий, собственный. Меня шатнуло. Я услышал, как сталь моего меча скрежещет по каменным плитам, пытаюсь найти опору.

Сквозь пелену я видел, как император оседает на колени. Видел, как Легендар нависает над ним – спина прямая, движения спокойные, как у мясника, закончившего работу.

– Ну что, отец? – произнёс он ровно. – Вот тебе традиция.

И полоснул ножом по горлу, обрывая хрип и жизнь.

В голове не было мыслей. Было только тело – и тело помнило приказ, отданный раньше. Императрица. Бежать. Я рванулся к выходу. Ноги заплетались, меня швыряло от колонны к колонне. Каждый вдох отдавался в развороченной переносице свистом. По горлу текло горячим, густым. В дверях я обернулся: Легендар стоял над телом, не глядя в мою сторону. Я был для него ничем.

Снаружи ударил снегопад. Снежинки таяли на лице, смешиваясь с кровью. Холода я не чувствовал – только пульс в висках. В памяти застыл последний взгляд Мирина. Он смотрел на сына, и губы его дрогнули, будто он хотел что-то сказать. Ресницы опустились медленно – словно он устал

больше, чем от жизни.

Бежать. Лавка – сугроб. Ступени – лёд. Упал, разбив колени о камни. Встал. Снег обжёг рану ледяными иглами. Я сплюнул густую слюну с кровью. Дыхание сбилось до рвотного спазма, перед глазами плыло. Добраться. Только добраться.

У дворцовой стены меня шатнуло. К главным воротам нельзя – стража, расспросы, потерянные секунды. Нащупав в кладке знакомую выбоину – метку, вырубленную мной же год назад, – я навалился на скрытый рычаг всем телом. Камень нехотя поддался. Я рухнул в сырую темноту лаза, не закрыв проход, и рванулся вверх по винтовой лестнице.

Стены давили на плечи, воздух казался пыльным и спёртым, как в склепе. Лёгкие горели. Каждый вдох отдавался в ране горячими толчками. Я слышал свой пульс не в груди – в лице. Перед глазами всё ещё стояло лицо Мирина, залитое кровью. Это видение гнало меня вперёд, выше, через ступень за ступенью.

Когда я наконец вывалился из-за гобелена в коридоре жилого крыла, ноги стали ватными. Массивная дверь из морёного дуба – покои императрицы – казалась непреодолимой.

Я замер, пытаясь унять судорожное дыхание. Рука на холодной бронзовой ручке тряслась вместе со всем телом. Меня мутило. Что я ей скажу? Как произнести слова, которые обрушат мир этой женщины? Моё отражение в полированной панели двери – жуткое месиво из крови, кости и грязи –

шептало: Ты не справился. Я, его щит и его тень, стоял здесь, живой и искалеченный, в то время как мой государь остывал на каменном полу собора. Но времени на искупление не было. За моей спиной в коридорах дворца уже просыпалась смерть.

В покоях царила вязкая, гнетущая тишина, нарушаемая лишь треском поленьев в камине. Императрица спала. Я замер у порога, боясь сделать шаг: этот миг безмятежности развеется, едва я открою рот. Глядя на её лицо, которое годы и тяготы власти будто обходили стороной, я ощутил забытый укол в груди – и память на секунду отбросила меня назад, в тот день, когда она впервые взяла меня за руку. Её глаза тогда были янтарными, «имперскими» – в них мерцали созвездия, точь-в-точь как те, на которые мы с братом заглядывались в детстве. А теперь она лежала беззащитной, и старая преданность, вырванная с корнем ещё в казармах Ордена, шевельнулась во мне при виде этой беззащитности.

– К-кто здесь?.. – раздался тихий, сонный шёпот.

Я вздрогнул. Стоило ей приоткрыть глаза, как к моей шее прижалась холодная сталь. Её глаза оставались острыми даже спроне, а в голосе не было сонной мягкости – только сталь.

– Кто здесь? Отвечай!

– Это я, госпожа. Корнелий.

– Корнелий? – Она с недоумением опустила нож. – О Шестеро... что с твоим лицом?

Она вскочила с постели в одной тонкой сорочке. Не обращая внимания на мои попытки отстраниться, коснулась моей щеки.

– Объяснись. – В её тоне звенел лёд. – Что произошло? Где мой муж? Почему ты здесь один?

– Император... он... – слова вырывались с хрипом. – Ваш сын. Легендар. Он убил его в соборе.

Она застыла. В её пальцах появился шёлковый платок, она коснулась моего лица, и я зажмурился, чувствуя, как намочает ткань – кровью, потом и чем-то ещё, горячим, чего я не мог остановить. Её дыхание прервалось. Губы дрогнули, обнажив зубы. И сжались в тонкую линию.

Она смотрела сквозь меня. Просто стояла и смотрела – бесконечно долго, пока я считал удары своего сердца. А потом медленно, очень медленно убрала руку с моего лица.

– Мирин всегда был слишком беспечен, – произнесла она, и голос её был тише шелеста снега за окном. Линнея мягко, почти неощутимо провела ладонью по моим волосам. Движение было отстранённым, почти безвольным. – Лишь мои мольбы заставили его взять с собой хотя бы тебя. Не вини себя в смерти того, кто давно выбрал свой путь к могиле.

– Но Легендар... он не остановится! – Осознание того, что убийца может быть уже на пути сюда, заставило меня вскочить. – Он придёт за вами! За ребёнком!

Я смотрел на неё и видел, как ледяное сияние в её глазах становится беспощадным. То самое «имперское» пламя, но

лишённое безумия её сына.

– Поверь, я знаю это лучше тебя. – Она выпрямилась. – Если мой сын решил воскресить самые гнусные из наших традиций... что ж. Пусть он захлебнётся в той крови, которую решил пролить.

Она замолчала. Легендар ещё не знал, что сегодня он проиграл. Но я знал это уже сейчас – потому что кровь на моём лице остывала, становясь маской, и впервые за эту ночь я перестал дрожать.

Глава 1

Винирион

30 Жнис 969 года город Лоронин

Пот из-под капюшона щипал глаза. Я шагал к темнице, липкими подошвами собирая горячую пыль. Запахивал плащ – не от солнца, от чужих глаз. Кулон качнулся под рубахой, холодный. Тот самый, что мать дала перед отъездом в Фольт.

Темница начиналась с низкой кованой двери, осевшей в землю так глубоко, что порог пришлось перешагивать с трудом. Из проёма тянуло плесенью и мокрым камнем. На мгновение я задержался. Там, наверху, ещё дрожал раскалённый воздух. Здесь, внизу, я не видел собственных ног.

– Стоять, – преградил путь стражник.

Я сунул ему серебряную марку, зажатую в потной ладони. Он подбросил её на ладони, хмыкнул – и убрал копьё.

С каждым шагом дневной свет таял. Темнота сгущалась не только снаружи – она просачивалась внутрь, в грудь. Воняло застарелой мочой и плесенью. Запах прилип к нёбу, я дышал ртом, но легче не становилось.

Вдоль камер тянулись ржавые прутья. Из темноты смотрели. Я слышал дыхание, шёпот, иногда – тихий, захлёбывающийся плач. Кто-то просунул скрюченные пальцы сквозь решётку, попытался ухватить край моего плаща. Я дёрнулся,

ускорил шаг. Отец. Мне нужен был отец.

В самой дальней камере, в углу, где плесень цвела жирными пятнами, я увидел его. Осунувшаяся фигура в треснувших очках. Одно стекло пересекала трещина – я помнил, как он уронил их на каменный пол в первый день ареста. Он сидел, уставившись в стену. Пальцы бездумно тёрли друг о друга, будто всё ещё пытались отмыть чернила, вьевшиеся за годы писарем – только теперь под ногтями была не тушь, а грязь.

Я прижался лбом к холодному железу. Запах невымытого тела и болезни ударил в нос.

– Отец... Это я. Винирион.

Голос прозвучал жалко, совсем не так, как я репетировал. Он медленно поднял взгляд. Зелёные глаза, когда-то ясные, теперь были выцветшими. На миг в них вспыхнуло узнавание. Он рванулся к решётке, но тут же осел на грязную солому – ноги не держали. Я дёрнулся, ударился локтем о прут, боль отрезвила. Его пальцы, дрожа, вцепились в прутья. Я видел, как побелели костяшки.

Я просунул свёрток с едой, перехватив его руку, чтобы хлеб не рухнул в жижу. Кожа отца была сухой и горячеей, как пергамент.

– Ты слишком рискуешь, Винирион... – прохрипел он. – Но всё равно... спасибо.

Я смотрел на сломанные очки, на грязь под ногтями, на синяки от кандалов.

– Как мать? – спросил он, с трудом проглатывая сухой кусок.

– С каждым днём всё хуже.

Отец опасливо покосился на дверь, подался вперёд. От него пахло болезнью, горячее дыхание обожгло мне щеку – я не отстранился.

– Вчера я слышал их разговор, – прошептал он. – На центральной площади плотники ладят помост. Генерал Новусай, чтоб его, хочет показать, что ждёт бунтовщиков. Через пять дней всё будет готово.

В ушах зашумело. Собственное сердце заглушило его голос – я видел, как шевелятся его губы, но слышал только гул. Новусай. Помост. Пять дней. Он уже мёртв. Просто ещё дышит.

Мама сказала – он уберёжёт. Не уберёт.

Я сунул руку за отворот плаща. Сжал кулон. Грани впились в ладонь. Тёплая кровь закапала на грязный пол.

Отец опустил взгляд. Увидел капли, расползающиеся по камню, и на миг замер – не от страха, от понимания. Потом отвёл глаза – медленно, будто у него не осталось сил даже на этот жест. Губы дрогнули, но он ничего не сказал. Просто закрыл глаза и кивнул – едва заметно.

Я не чувствовал ничего. Только усталость.

Покашливание стражника вывело меня из оцепенения. Пора было уходить. В камере стало темнее. Я различил только блик на треснувшем стекле очков.

– Я бы на твоём месте больше здесь не появлялся, – негромко сказал стражник у выхода.

Я вздрогнул. В его взгляде читалась жалость. Жалость, подохни она в Марловазе. Я протянул вторую марку. Он не взял – просто отступил в тень, но в последний миг я поймал его взгляд. Он не отводил глаз. Смотрел мне вслед, пока я поднимался по ступеням.

Я шагнул в палящий зной. Сама богиня огня дышала в спину городу. Марка всё ещё была в потной ладони – я так и не убрал её.

Улицы Лоронина казались вымершими. Редкие прохожие жались к стенам. Из центра города доносился мерный, отчётливый стук топоров. Плотники Новусая работали на совесть. Я шёл, не оборачиваясь.

Дома пахло застоявшейся сыростью. Мать встретила меня на пороге – поседевшая, с тонкими ледяными руками. Она обняла меня, и я почувствовал, как дрожат её пальцы. От неё пахло сушёной мятой – она всегда заваривала её, когда беспокоилась, хотя мята давно кончилась.

Мы прошли на кухню. Я сел напротив и заглянул в её янтарные глаза – точное отражение моих собственных. Из-за этих глаз нас и не любили в городе.

– Как отец? – спросила она.

Я не хотел пересказывать услышанное. Но неведение было бы страшнее. Я выложил всё прямо.

– По слухам, в центре города собирают помост для казней.

Через пять дней все работы закончат.

Её пальцы сжали край стола, побелели – и разжались. Она сняла с огня чайник – привычка, оставшаяся от прежней жизни, где ещё была мята, – поставила на холодную плиту. Провела ладонью по моей щеке – быстро, почти испуганно – и ушла. Дверь в спальню закрылась с тихим щелчком, не хлопнула, просто отделила её от меня.

Щека ещё горела от её прикосновения. Я не вытирал его – просто сидел и слушал. За дверью не плакали. Там было тихо, и эта тишина была страшнее любого крика.

Я перевёл взгляд на чайник. Холодная плита. Она не заваривала мяту. Она просто стояла здесь и ждала меня.

Глава 2

Винирион

4 Винириона 969 год город Лоронин

Толпа гудела – густо, вязко, забиваясь в уши и мешая думать. Вечерний зной так и не спал; раскалённый воздух дрожал над камнями, смешиваясь с запахом пота и кислого вина. Я пробивался локтями, не глядя на лица, чувствуя только толчки и глухое сопротивление чужих тел. Кто-то наступил мне на ногу, кто-то толкнул в плечо – я не оборачивался. Люди стояли так плотно, что между ними нельзя было протиснуться, не коснувшись чужого пота, чужого дыхания, чужого возбуждения.

В центре площади высилось оно. Не просто помост – гора поленьев, сложенных острым конусом, как для чудовищного жертвенного костра. От свежего дерева остро разило смолой. Я сглотнул. В пересохшем горле что-то царапнуло. В висках застучало, и я привычным движением нашарил под рубахой кулон. Камень был холодным. Пока только холодным.

Мать не пережила бы этого зрелища. Ей оставалось от силы пара месяцев, но если сегодня случится то, о чём шептался весь город... Я сжал камень до боли. Холод хлынул в ладонь, поднимаясь к сердцу – медленный, парализующий. Страх за мать отступил, стал чужим, словно я смотрел на него сквозь толстое мутное стекло.

Я не понимал, как работает этот камень. Мать знала, но молчала. Тайное наследство, доставшееся от её матери. Единственная опора в мире, где всё пошло прахом.

На край эшафота вышел человек. Тёмные волосы, глубоко посаженные карие глаза – такие не встретишь в Лоронине. Таомелиец. Кожа смуглая, обветренная, нос с горбинкой. Солдаты вытянулись перед ним в струнку, и я понял: это он. Тот, о ком говорили шёпотом, кого проклинали в кабаках и чьё имя матери использовали, чтобы пугать детей. Генерал Новусай.

Он поднял руку – не резко, а медленно, почти лениво, – и площадь стихла. Тишина накрыла толпу, как саваном.

– Жители Лоронина! По приговору военного трибунала за измену, мятеж и попытку подрыва устоев...

Голос звучал ровно, без эмоций. Я перестал дышать. Каждое слово как гвоздь – глухо, намертво, навсегда. Он читал приговор так, будто зачитывал список закупок для гарнизонной кухни.

– ...виновные приговариваются к очищению пламенем!

Толпа вздохнула – единым, жадным выдохом сотен глоток. Я видел, как люди подаются вперёд, как загораются их глаза. Они ждали зрелища. Женщина рядом со мной встала на цыпочки, чтобы лучше видеть. Мужчина позади неё облизнул губы. Я отвернулся.

Тяжёлые двери ратуши отворились. Солдаты вывели пятерых. Кандалы гремели по булыжнику – позорный, мерзкий

звук. Я смотрел только на отца. Он шёл без очков, прищурившись от закатного солнца, и его взгляд блуждал по толпе. Не искал меня – я знал. Молился, чтобы меня здесь не оказалось. Губы его едва шевелились.

Их привязывали к столбам долго. Слишком долго. Каждое движение солдат было мучительно-чётким, как в дурном сне. Верёвки врезались в запястья. Хворост хрустел под ногами. Один из осуждённых, молодой парень, кричал и вырывался, пока ему не заехали древком копья в живот. Другой плакал. Третий молился. Четвёртый просто стоял с закрытыми глазами. Отец молчал. Только пальцы его дрожали – мелко, неостановимо.

Чья-то рука сжала мой локоть. Железной хваткой.

– Стой, дурак.

Я обернулся. Бьер. Тот самый стражник, что пропускал меня в темницу. Лицо у него было белое, как известь. Он тяжело дышал, словно пробивался ко мне через всю толпу.

– Посмотри наверх.

На крышах, на карнизах – везде. Арбалетчики. Десятки нацеленных в толпу болтов. Один неверный жест – и начнётся бойня. Я видел, как один из них, на крыше пекарни, поправлял прицел, переводя его с одного края площади на другой. Размеренно, словно на плацу.

– Уходи, Винирион. Ты ничего не изменишь. Только себя погубишь и мать оставишь одну.

Я вырвал локоть. Слова долетали откуда-то издалека, не

задевая. Я не мог уйти. Не мог бросить его одного в этой своре. Я обязан был смотреть. Запомнить каждую секунду, каждую искру. Если я сейчас отвернусь – кто тогда запомнит?

Солдат поднёс факел. Я видел, как дрожит его рука – то ли от страха, то ли от важности момента. Пламя беспокойно металось на ветру. Солдат медлил, пламя лизало край хвоста и гасло. Новусай вырвал у него факел и швырнул сам – резко, почти брезгливо. Он не смотрел на осуждённых. Он смотрел на толпу – проверял реакцию.

Пламя взревело. В один миг оно сожрало всё: дым, надежду, молитвы. Воздух наполнился запахом палёной шерсти и горелой плоти. Толпа взвыла. Кто-то кричал от ужаса, кто-то – от восторга, и эти крики смешивались в омерзительный нестройный гул. Какая-то женщина, прижимая к себе ребёнка, выкрикивала проклятия. Старик рядом размахивал клюкой и славил Императора.

Я ничего не слышал. Я смотрел, как фигура отца чернеет, теряет форму, оседает в ревушем золотистом мареве. Жар опалял лицо даже на расстоянии. Кулон на груди стал ледяным. Он выпивал из меня всё – боль, ярость, страх. Оставлял только холодную, чистую ненависть.

Тот мальчик, что когда-то мечтал вернуться из Фольта домой, сгорел на этом костре вместе с отцом.

Остался только холод.

Я не помнил, как добрался до дома. Бьер тащил меня, дёр-

гал за рукав, что-то говорил – я не слышал. Его голос доносился словно сквозь толщу воды. Мир стал плоским, выцветшим. Краски исчезли, звуки – тоже. Я переставлял ноги, потому что он тянул меня за собой, но не чувствовал ни камней под сапогами, ни ветра в лицо. Только холод кулона на груди. Только он оставался настоящим.

В доме было тихо. Неправильно тихо. Я стоял на пороге, чувствуя, как пульсирует кулон, и не решался войти. Бьер вошёл первым. Его шаги простучали по коридору, и каждый стук отдавался в голове.

– Айден?.. Госпожа Айден?

Ответа не было. Я прошёл в спальню. Мать лежала на кровати, на боку, поджав колени к животу – так, как засыпала в последние дни. Но сейчас в этой позе было что-то неестественное, окончательное. Слишком неподвижное. На лице застыла привычная маска боли, ставшая вечной.

Я коснулся её щеки. Кожа была ещё тёплой. Совсем тёплой. Она ушла недавно – может быть, как раз в тот миг, когда толпа взвыла, приветствуя огонь.

Пальцы её сжимали пергамент. Я бездумно разжал их – они уже начали коченеть – и сломал печать. Тяжёлую, с гербом, которого я никогда не видел. Строчки плясали перед глазами. Я прочитал раз. Потом ещё раз. Смысл доходил медленно, как вода сквозь плотную ткань.

«Дорогая Айден. Я знаю, что ваша семья долгое время помогала мне... В знак моей признательности я лично навещу

вас в начале осени...»

Я не знал этого человека. Не знал, кому помогала мать. Но его генерал сжёг моего отца.

Бьер заглянул через плечо. Лицо его застыло.

– Это печать бургомистра... – выдохнул он. – Теперь нас всех найдут.

И, не дожидаясь ответа, рванулся к двери. Его шаги простучали к выходу и стихли.

Я смял письмо. Отпустил кулон.

Боль хлынула разом – не потоком, не волной. Обвалом. Я сполз по стене, зажимая рот ладонью, чтобы не взвыть в голос. Слезы жгли глаза, грудь рвало изнутри рыданиями – дикими, животными, которые нельзя ни остановить, ни скрыть. В этом пустом доме, пропахшем гарью и смертью, я остался совсем один.

И впервые в жизни мне было плевать, слышит ли кто-то мои крики.

Глава 3

Винирион

11 Винириона 969 год город Лоронин

Карета подпрыгнула на выбоине, и я вцепился в сиденье. Пальцы заныли в суставах, ткань сиденья под ними была влажной и липкой. Пахло плесенью, кислым вином и старой кожей. Запах въелся в дерево и ткань так глубоко, что его не выветрить. Я смотрел на свои руки, сжимавшие край сиденья, и думал, что такая же карета везла меня прочь от дома. Теперь это не имело значения.

За окном проплывали серые, выпотрошенные улицы Лоронина. Город, который я знал, сдох. Остались только тени – редкие прохожие жалась к стенам, не поднимая голов. Там, где раньше торговали пирогами, теперь стояла пустая телега с задранными оглоблями. Лавка красильщика зияла выбитыми окнами. На углу, где когда-то сидел нищий с деревянной миской, теперь лежала груда мусора. В сгорбленных спинах прохожих я узнавал ту же пустоту, что теперь разъедала меня изнутри.

– С тобой всё в порядке, парень?

Голос прозвучал резко, как щелчок хлыста. Я перевёл взгляд на человека напротив. Эдвин. Массивный, грузный, он заполнил собой половину кареты. Лунный свет, пробивавшийся сквозь щели штор, выхватывал его жёсткие воло-

сы цвета ржавчины. Глаза – глубокие, зелёные, с зеленоватым отливом, какой бывает у стоячей воды в заброшенном колодце – смотрели без тепла. Оценивали. Подсчитывали.

Ни один торговец не смотрит так. Этот знал цену вещам. И людям.

– Да, господин Эдвин.

Я соврал. Всё случилось в точности по тому письму – тому, что я нашёл в окоченевших пальцах матери. Когда колёса зашуршали по щебню у дома, я уже никого не ждал. Думал – стража. Или мародёры. Но в дверь вошёл он. Оглядел тело на кровати – без удивления, без брезгливости. Его взгляд скользнул по мёртвому лицу, как по строчке в бухгалтерской книге. Просто кивнул каким-то своим мыслям.

«Собирайся», – бросил он тогда.

И я подчинился. Потому что у мертвецов не просят совета.

Рука под плащом привычно нашарила кулон. Я сжал его, и холод потёк по венам – медленный, знакомый. Давление в груди, которое душило с того самого костра, чуть отступило. Я знал, что камень делает со мной, и всё равно сжимал его снова и снова.

– Как давно это случилось? – спросил Эдвин. Он по-прежнему смотрел в окно, на проплывающие мимо тени.

– Пару дней назад.

– Я уже отправил людей. Её похоронят достойно. На городском кладбище, со всеми полагающимися обрядами.

– Спасибо.

Слово вышло сухим, как стук кости. Я не знал, за что благодарю. За то, что тело матери не бросят в общую яму? За то, что этот человек вообще приехал? Мотивы его оставались во мраке. Вежливость была единственным щитом, который я мог выставить. Может, он ждал слёз. Может, ждал благодарности. Я не дал ему ни того, ни другого.

– Мы едем в моё поместье, – продолжал Эдвин, и его губы тронула сытая улыбка. – Недавно назначенному бургомистру небезопасно жить в самом сердце города.

Я сжал кулон сильнее. Бургомистр. Тот, кто насаживает головы на пики у ворот. Холод из камня хлынул сильнее, притупляя вспышку ярости, оставляя только пустоту и вопрос: что ещё ему от меня нужно? Зачем он приехал лично? Зачем забрал меня? Почему не оставил в том пустом доме дожидаться кредиторов или имперского патруля?

Карета резко замерла. Снаружи – крики, топот, звяканье оружия. Я дёрнулся к окну, но Эдвин даже не шелохнулся. Его спокойствие пугало больше, чем любая засада. Он сидел, закинув ногу на ногу, и рассматривал свои ногти. Как будто ничего не происходило.

Дверца распахнулась. В проёме выросла фигура – старик в доспехе, с рваным шрамом через всё лицо. Шрам стягивал кожу в жуткую маску, делая одну половину лица неподвижной. Вторая смотрела холодными, прозрачными глазами.

– Давно не виделись, Эдвин, – голос у него был как скре-

жет гранитных плит.

– Разве, сэръ Корнелий? А мне казалось – только вчера.

Рукопожатие вышло коротким, жёстким. Я заметил, как пальцы Эдвина побелели под хваткой рыцаря.

Старик перевёл взгляд на меня. Его глаза ощупали лицо, одежду, задержались на том месте, где из-под плаща выскользнул кулон. Чёрный камень тускло блеснул в свете факелов.

Корнелий медленно сузил веки. В его взгляде мелькнуло что-то – не удивление, а скорее мрачное подтверждение давней догадки.

– Его имя Винирион, – произнёс Эдвин ровно. – Сын нашего старого знакомого.

– Что ж, приятно видеть хоть кого-то в здравии, – Корнелий протянул руку.

Его ладонь была жёсткой, как дублёная кожа, с мозолями у основания пальцев и на подушечке большого. Человек, проживший жизнь с мечом в руке. От него веяло холодной, выверенной дисциплиной – не враждебной, но и не дружеской. Я пожал руку, чувствуя, как его пальцы смыкаются вокруг моих. Этот старик знал что-то. И это «что-то» было связано со мной.

– Что ты забыл на этой дороге в такой час? – Эдвин подался вперёд.

– Позвольте погостить пару седмиц в вашем поместье, господин бургомистр. – В голосе Корнелия проскользнула

сухая ирония.

Они замерли, глядя друг на друга. Между ними, как натянутая струна, вибрировала опасная игра, правил которой я не знал. Тишина стала почти осязаемой, пока Эдвин не нарушил её коротким смешком.

– Что ж, не вижу причин для отказа.

Карета покатила дальше. Я смотрел в окно на проплывающие мимо деревья и сжимал кулон. Холод вытягивал меня из реальности, и это было к лучшему. Колесо попало в очередную яму, карету тряхнуло, но я почти не заметил.

Двор поместья выглядел как насмешка. Стриженные кусты – ровные, как солдаты на параде. Дорожки, выложенные белым камнем. Фонари, горящие в такт друг другу, словно кто-то следил за тем, чтобы ни один не мерцал ярче соседнего. Война, захлестнувшая остров кровью и гарью, разбилась об эти стены, не оставив ни царапины. Я ступил на щебень, и каждый шаг отдавался в ушах громким хрустом.

Ни одного сгоревшего куста. Ни одной трещины в штукатурке. Здесь не было войны – здесь её замазывали извёсткой. Даже запах был другим – не гарь, не гниль, а свежескошенная трава и что-то сладковатое, может, жасмин.

Навстречу вышла женщина. Высокая, с волосами цвета тусклого серебра. Осанка, поворот головы – что-то в ней напомнило мне мать. Сердце глухо ударило в рёбра, но женщина шагнула в свет фонаря, и наваждение рассеялось. Глаза у

неё были карие. Чужая. Всё здесь было чужим.

– Добро пожаловать, Винирион. Я Кармина, экономка. Идём, я провожу тебя в твои покои.

Её голос обволакивал, а улыбка казалась искренней. Но меня передёрнуло. Это липкое дружелюбие раздражало не меньше, чем расчёт Эдвина. Она смотрела на меня, как на найдёныша, которого нужно обогреть и накормить, прежде чем пристроить к делу. Она взяла меня за руку и повела внутрь.

Поместье встретило гулкой, давящей тишиной. На стенах – портреты хозяина. Эдвин смотрел с них самодовольно и пусто, преследуя меня из рамы в раму. Вот он на охоте, вот он в окружении семьи, вот он один – рука на эфесе, подбородок вздёрнут. Слуги косились с жадным любопытством, перешёптывались за спиной. Я ловил обрывки фраз: «...сын переписчика...», «...отца сожгли...», «...мать тоже того...». Голоса смолкали, стоило Кармине обернуться.

На очередном повороте я споткнулся, вырвавшись из цепкой руки Кармины. И увидел её.

Она стояла в тени тяжёлой портьеры – неподвижная, как часть самой кладки. Девушка с глазами цвета молодой хвои. Её взгляд впился в моё лицо, и внутри что-то надломилось – странное, болезненное чувство узнавания, которого не могло быть. На периферии сознания мелькнули обрывки чужих голосов, тени мест, где я никогда не бывал. Каменный пол в клетку – чёрную и белую. Запах чернил. Всё это пронеслось

за долю секунды и исчезло.

Кулон под рубахой потеплел – впервые за всё время. Я прижал его ладонью, но тепло не уходило.

Она молчала. Я молчал. Запах её духов – терпкий, горьковатый – смешивался с пылью старого особняка, и от этого воздух казался гуще. Я не мог отвести взгляд. Не мог сделать шаг. Что-то держало меня на месте – не страх, не любопытство. Скорее узнавание. Неправильное, невозможное, но – узнавание.

– Госпожа Аврора, – Кармина согнулась в подобострастном поклоне. – Ваш отец просил вас подготовиться к ужину.

Аврора не шелохнулась. Она скользнула по мне взглядом – небрежно, как по предмету обстановки, – и прошла мимо. Её плечо почти коснулось моего. На долю секунды её губы дрогнули, беззвучно вытолкнув слово – и сжались в линию, будто она пожалела о сказанном.

Я замер, глядя ей в спину. Тёмно-рыжие волосы, прямая спина, шаг – уверенный, но какой-то деревянный. Она шла, как человек, который давно привык не оглядываться. Пока Кармина снова не вцепилась в мой локоть.

– Идём, Винирион. Не стоит заставлять господина Эдвина ждать.

Она повлекла меня дальше по коридору – прочь от странного видения, напрямиком к дверям моей новой золочёной клетки.

Глава 4

Аврора

11 Винириона 969 год город Лоронин

Коридор тянулся бесконечно. Я шла быстро, почти бежала, но шаги всё равно тонули в тишине – ковры, гобелены, толстые стены гасили любой звук. Здесь всегда было тихо. С тех пор, как не стало мамы, эта тишина стала другой. Гуще. Она не обволакивала – она давила, как вода на глубине. Каждый мой вдох отдавался в ушах, и я считала их, чтобы не сорваться.

Слёзы подступили к горлу, как всегда некстати. Я прикусила щёку изнутри – резко, до боли – и заставила их отступить. В этом доме плакать было нельзя. Отец называл это слабостью. А слабость он презирал. Я помнила, как однажды, через пару дней после похорон, он застал меня заплаканной в библиотеке. Он ничего не сказал. Просто посмотрел – и вышел. Этот взгляд был хуже крика.

Я едва не столкнулась с Карминой. За её спиной кто-то стоял.

Наши взгляды встретились, и я забыла, как дышать.

Янтарные глаза. Те самые. Я видела такие только однажды – у матери, когда она ещё была жива, и этот свет ещё не угас. Глубокие, с золотыми искрами, которые не могли скрыть ни тени, ни время. На фоне чёрных волос они горели, как два

угля, и меня пробрало дрожью – не от сквозняка, а откуда-то изнутри. По спине побежали мурашки, а пальцы сами вцепились в складки платья.

Он был чужой. Но что-то внутри узнало его. Что-то, чего я не знала и не понимала. Как будто в груди дёрнулась давно забытая нить, связывавшая меня с чем-то, что я похоронила много лет назад.

Я рванулась мимо, почти прижимаясь к стене. Холодный камень коснулся плеча сквозь ткань платья. Какое-то слово сорвалось с губ, но я не услышала его – просто бессвязный выдох, который утонул в стуке моих шагов. Сердце колотилось где-то в горле. Я неслась по коридору, не глядя на слуг, что теньями жались к стенам. Одна из служанок что-то спросила – я не ответила.

Двор встретил колючим осенним ветром. Он ударил в лицо, и я на мгновение зажмурилась, чувствуя, как холод отрезвляет. Я знала, куда идти.

Отец сидел в беседке. Его грузный силуэт темнел на фоне стриженных кустов – аккуратных, мёртвых в своей симметрии. Каждая ветка здесь была подрезана под линейку, каждый лист знал своё место. Как и я. Рядом маячила фигура сэра Корнелия. Я замерла в тени старого тиса, чувствуя, как колючая шерсть платья царапает запястья. Запах тиса был горьким, почти ядовитым.

Я ждала, пока рыцарь уйдёт. Его шаги простучали по щебню и стихли. Сухой стук веток над головой на мгновение пе-

рекрыл шум ветра.

– Аврора, это ты?

Голос отца. Раздражённый, как всегда. Словно само моё существование было для него неудобством, отвлекающим от важных дел.

Я вышла на свет, обозначила формальный поклон. Этому меня научили рано – кланяться, когдаходишь, молчать, пока не спросят, не показывать слёз.

– Да, отец.

– Что тебе нужно? Неужели твои нужды не способны унять слуги?

Я пропустила вопрос мимо ушей. Он всегда так говорил – будто я была вещью, которая требует слишком много ухода. С тех пор как мама умерла, он стал другим. Или, может быть, он всегда был таким, просто мама смягчала его, а теперь некому.

– Кто тот парень, которого провожала леди Кармина?

Отец не обернулся. Он помешивал ложечкой в чашке – чай давно остыл, но он продолжал это размеренное, раздражающее движение.

– Не твоё дело, Аврора.

Я знала: стена. Он всегда отвечал ровно столько, чтобы я отстала.

Я уже развернулась к дому, когда в спину ударил его голос:

– Если уж тебе так не терпится – его зовут Винирион.

Остальное услышишь за ужином.

Ехидство в его тоне было липким, тошнотворным. Я знала, что за этим последует – очередная игра, очередная демонстрация власти. Он любил разыгрывать меня, как фигуру на доске своей бесконечной партии. Бросал кость – и смотрел, как я побегу. Иногда мне казалось, что я для него – напоминание о матери, и за это он меня ненавидит.

Я пошла к дому. Щебень хрустел под туфлями, ветер трепал волосы. Ноги несли меня сами, а голова гудела.

Винирион. Это имя ничего мне не говорило. Но те глаза... В них было что-то, что я уже видела. Когда-то. В прошлой жизни, где мама ещё была жива, а я умела смеяться. Где не было этого дома, этой давящей тишины, этого вечного холода.

Там, в той жизни, был кто-то с такими же глазами. Я помнила смутно: мальчик, который утешал меня когда-то. Его лицо стёрлось, но глаза – янтарные, те самые – я не могла забыть. словно они впитались в память отдельно от всего остального.

Я сжала виски ладонями. Нет. Это невозможно. Тот мальчик остался в прошлом, как и всё остальное. Как моя свобода, как моё имя, как моя жизнь.

Я почти бежала через сад, не чувствуя ни ветра, ни холода. Взбежала по лестнице, захлопнула дверь своей комнаты.

Прислонилась спиной к стене и медленно сползла на пол. Пальцы сами нащупали холодный камень – я провела по нему, пытаясь унять дрожь. Та девочка, которую он когда-то

утешал, ещё не умерла. Она сидела сейчас в этой комнате и боялась поверить.

Глава 5

Винирион

11 Винириона 969 год город Лоронин

Ожидание тянулось медленно. Я мерил шагами комнату – четыре шага до стены, четыре обратно, – и с каждым кругом тишина давила сильнее. Половицы не скрипели. Дом был слишком хорошо построен, слишком дорого обставлен, чтобы издавать лишние звуки. Смерть родителей всё ещё сидела где-то под рёбрами, глухая и неподвижная, но сейчас её перебивала другая тяжесть. Тревога. Я не знал, чего ждать от этого ужина, и неизвестность скручивала нутро туже, чем любая определённая.

На кровати лежала одежда. Дорогой чёрный лён. Туника и штаны – в тон моим волосам. Я усмехнулся, глядя в зеркало. Хозяин дома позаботился, чтобы я выглядел подобающе своему положению. Тень. Декорация. Ещё одна фигура в его бесконечной партии. Я провёл пальцами по ткани – она была непривычно мягкой после той грубой шерсти, что я носил в Фольте и дома. Даже одежда здесь была чужой, как и всё остальное.

Я переоделся. Ткань легла на плечи чужим весом – слишком лёгкая, слишком дорогая для того, кто ещё вчера спал в пропахшей дымом каморке.

За окном сад уходил в темноту, растворяясь в густом ле-

су на границе поместья. Я распахнул створки – ветер пахнул прелой листвой и сыростью. Где-то в глубине сада прокричала ночная птица, и ей ответила другая. Рука привычно нашарила кулон. Холод пробежал по пальцам, поднялся к запястью и затих. Я почти не замечал этого движения теперь. Оно стало частью меня, как дыхание, как сердцебиение.

В простенке между окнами темнела фреска. Дракон. Вечный символ Империи. Его крылья были расправлены, пасть приоткрыта в беззвучном рыке. Я смотрел на него и думал о том, что сейчас с удовольствием проклял бы всех – и крылатых тварей, и людей, что прячутся за их ликами. Даже Сханна, чей лик темнел на той же фреске, не вызывала ничего, кроме глухого безразличия. Я знал, что рано или поздно встречу с ней. И знал, что ей будет так же плевать на меня, как было плевать на мольбы моих родителей. Может, уже сейчас – плевать. Может, она вообще не смотрит в эту сторону.

Стук в дверь – тихий, почти робкий.

– Простите, – служанка поклонилась, не поднимая глаз. Та самая, что попалась мне в коридоре. – Госпожа Кармина просила поторопиться.

Я не ответил. Вышел в коридор и двинулся за ней. Её шаги были быстрыми, семенящими. Она вела меня через череду комнат, и стены здесь давили. Позолота, лепнина, бесконечные портреты Эдвина в тяжёлых рамах – всё это было декорациями в чужом спектакле, где мне отвели роль без слов.

Я смотрел на эти лица – все как одно, с одинаковой самодовольной полуулыбкой, – и думал, сколько золота ушло на эти рамы. Хватило бы, чтобы выкупить отца из темницы. Хватило бы на лучших лекарей для матери. Но золото тратили на портреты.

Служанка исчезла, свернув в боковой проход, а я остался один в пустом переходе. Здесь висела всего одна картина – и она была чужой этому дому. Я понял это сразу, ещё до того, как разглядел лица.

Женщина и девочка. Рыжие волосы, у старшей – глаза, почти как у моей матери, но с каким-то потусторонним отливом. Может, так рисовали тех, кто уже умер. У девочки пряди темнее, и в лице уже угадывалась тяжёлая кость Эдвины – тот же подбородок, те же надбровные дуги. Но глаза – зелёные, глубокие – были её собственными.

Я стоял и смотрел. Шесть лет назад, в Фольте, я знал кое-кого с такими же глазами. Знал – и потерял. Она исчезла без следа, без записки, без прощания. Просто однажды утром её койка оказалась пуста, а комендант сказал, что студент Григори отчислен по семейным обстоятельствам. Я искал её потом – писал письма, расспрашивал знакомых. Никто ничего не знал. Глупо было сейчас ворошить прошлое. То, что сохло тогда, уже не воскресить.

Шаги за спиной. Я обернулся.

Она стояла в нескольких шагах – живое отражение ребёнка с картины. Выросла, но взгляд остался прежним. Те же

глубокие зелёные глаза. Та же неподвижность – как у человека, который привык ждать плохих новостей.

– Винирион, если не ошибаюсь.

Голос был странно отстранённым, будто говорила не она, а кто-то через неё. Кукла, наученная произносить слова.

– Госпожа Аврора.

Я изобразил неуклюжий поклон. Прозвучало как издёвка, но мне было плевать. Этикет был для меня таким же чужим, как и эта одежда.

– Можно просто Аврора.

Она смотрела на меня, и в её глазах я увидел то, чего не ожидал. Пустоту. Ту самую, что поселилась во мне после ко-стра. Зеркальное отражение моей собственной боли. На миг мне показалось, что она понимает всё без слов – понимает, что такое терять, что такое гореть изнутри и не иметь возможности кричать. Но я тут же одёрнул себя. Дочь Эдвина. Кровь от крови моего тюремщика. Её боль – не моя забота.

– Тебя ведь тоже зовут просто Винирион?

Вопрос ударил по больному. Кем я был теперь? Слухи о цвете моих глаз всегда бесили меня – никаких доказательств, кроме золотистого блеска, у них не было. Я перевёл взгляд на её лицо, ища следы той же породы. Если бы не глаза, она выглядела бы куда более типичной представительницей имперской знати, чем я когда-либо смогу. И дело было не только во внешности – в осанке, в повороте головы, в том, как она держала руки. Так держат руки люди, которых с детства

учили, что они выше других.

Тишину разорвали шаги. Тяжёлые, уверенные – они разносились по коридору, как удары молота. Из тени коридора выплыл Эдвин. На его лице играла обычная ехидная усмешка. Я заметил, как изменился воздух вокруг него – стал плотнее, холоднее.

– Винирион. Рад, что ты не заставил нас ждать.

Дочь он не удостоил даже взглядом. Просто развернулся и двинулся впереди, как монарх, ведущий процессию. Его шаги задавали ритм, и мы пошли следом – она по левую руку, я по правую.

Коридор сузился. Я чувствовал, как Аврора идёт рядом, почти касаясь плечом. Её пальцы – ледяные, дрожащие – вдруг скользнули по моей ладони. Лёгкое, почти невесомое прикосновение. Инстинктивный поиск опоры. Так хватаются за поручень, когда корабль качает. Я не отстранился. Не показал виду. Но что-то внутри дрогнуло – не жалость, скорее узнавание. Я знал это чувство: когда давление того, кто идёт впереди, так велико, что хочется схватиться за что угодно, лишь бы не упасть.

Мы вошли в столовую. Роскошь здесь была вызывающей – злая насмешка над серостью города за стенами. Запечённые кролики в золотистом жиру, горы пирогов, редкие сыры, фрукты, которым не место в осеннем Лоронине. Свечи горели в тяжёлых канделябрах, и их свет отражался в серебряных блюдах. Пахло специями, жареным мясом, дорогим

вином. Меня мутило. Я вспомнил запах темницы, запах горелой плоти с площади – и здесь, среди этого пиршества, он показался мне почти родным.

Эдвин занял место во главе стола. Аврора села по левую руку, я – напротив неё, по правую.

– Насколько мне известно, ты учился в Фольте, – произнёс Эдвин, не сводя с меня тяжёлого взгляда. – Как и мой сын. Жаль, что Дорина сейчас нет.

Аврора вздрогнула. Чаша звякнула о тарелку – резко, пронзительно. Я заметил, как она спешно убрала руку под стол, и в её глазах мелькнула странная смесь страха и голода. Упоминание брата задело её сильнее, чем она хотела показать. Пальцы её сжались в кулак, и я видел, как побелели костяшки.

– Если желаешь продолжить обучение, Кармина займётся историей и риторикой. Сэр Корнелий – фехтованием и стратегией.

Я смотрел в его мутные глаза и не видел там ни тени заботы. Только расчёт, суть которого я пока не мог разгадать. Мне указывали, чем я буду заниматься, словно распределяли обязанности нового слуги. Я не спорил. Огонь внутри меня рано или поздно выгорит без цели, а этого я допустить не мог. Пусть учат. Пусть думают, что лепят из меня что-то полезное. Когда-нибудь я использую эти уроки против них.

Еда на вкус была как пепел. Я жевал и глотал, не чувствуя ничего. Мясо, хлеб, сыр – всё превращалось в одинаковую

безвкусную массу, которую приходилось проталкивать через силу. Я запивал её вином, но оно только обжигало горло, не принося ни тепла, ни опьянения.

В дверь забарабанили. Тяжело. Требовательно. Так стучат люди, которые не привыкли ждать.

В зал вошёл человек в тёмных кожаных доспехах, пахнущих конским потом и железом. На груди – буква «Н». Гонортская. Таомелийская. За его спиной маячили ещё двое, но они остались в коридоре.

Я поднял взгляд на его лицо – и узнал. Внутри всё обрвалось и рухнуло вниз, будто пол ушёл из-под ног. Воздух стал вязким, как горячая смола, – я не мог вдохнуть.

Жёсткие, словно высеченные из скалы черты. Глубоко посаженные глаза, привыкшие смотреть на людей сверху вниз. Тот самый человек. Тот, кто вырвал факел у солдата. Тот, кто швырнул его в хвост – небрежно, почти брезгливо. Тот, кто стоял и смотрел, как пламя пожирает моего отца.

– Генерал Винирий Новусай, – произнёс Эдвин, поднимаясь. – Рад видеть вас в здравии.

Моя рука сама метнулась к кулону – быстрее мысли, быстрее дыхания. Пальцы сжали камень с такой силой, что острые грани пронзили кожу. Я почувствовал, как тёплая кровь побежала по ладони, но боль была далёкой, приглушённой. Холод артефакта хлынул по венам – он гасил пожар, который на миг вспыхнул в груди, гасил тот крик, что уже поднимался к горлу. Я схватился другой рукой за край стола и держался.

Костяшки побелели. Дерево под пальцами было холодным и твёрдым – единственная реальная вещь в этом зале.

Новусай бросил на меня равнодушный взгляд – скользнул и не задержался. Я был для него никем. Просто мальчишка за столом бургомистра. Пыль. Он не узнал меня – да и с чего бы? На площади он смотрел на пламя, не на лица в толпе.

– Бургомистр, к вам дело, не терпящее отлагательств.

Голос был таким же, как на площади: ровный, без эмоций. Голос человека, который привык, что его приказы исполняются.

Эдвин вышел с ним. Дверь закрылась.

Я медленно разжал пальцы. На ладони остались мелкие ранки, сочилась кровь. Ярость всё ещё клокотала где-то глубоко, но кулон делал своё дело – запирал её под ледяной коркой, не давал выплеснуться. Наваждение – тени в углах, которые на миг качнулись и пустились в пляс, – исчезло. Или мне показалось.

Я поднял голову. Аврора смотрела на меня – и пустота в её глазах исчезла. На её месте было что-то живое, почти тревожное. Она перевела взгляд с моего лица на мою руку, всё ещё сжимавшую кулон, и обратно.

– С тобой всё нормально?

Вопрос вырвался глупо, невпопад. Но я должен был что-то сказать – тишина между нами вдруг стала невыносимой.

Она изучала меня долго, прежде чем ответить. Её глаза скользили по моему лицу, по побелевшим костяшкам, по

крови, выступившей на ладони. Она видела всё – и ничего не комментировала.

– Так это правда... что ты учился в Фольте?

Голос тихий, почти шёпот. В нём звенела тоскливая жажда – так спрашивают о месте, которое видели только во сне. Она спрашивала о мире, который для неё навсегда закрыт.

– Возможно.

Этого хватило. По её лицу скользнула тень облегчения – или радости, я не разобрал. Она как будто получила подтверждение чему-то, о чём только догадывалась.

– И каково это – учиться там?

– Как обычно. Лекции, тренировки, ночные зубрёжки.

Я не знал, как объяснить. Та часть моей жизни теперь казалась сном о другом мире. Там не было тиранов, генералов и запаха смерти. Там был только ветер с моря, старые книги и мальчишка по имени Грегори, который спал рядом со мной.

– Я слышал, твой брат тоже учился в Фольте?

Она не замкнулась. Напротив – что-то в ней приоткрылось, как створка окна, которую долго держали закрытой. Глаза её стали глубже, дыхание – чаще.

– Дорин... он был... есть... я не знаю, как правильно сказать.

Пальцы её судорожно переплелись. Она боролась с собой – и я видел эту борьбу в каждом движении, в каждой дрожащей жилке на виске.

– А ты слышал о нём? О Дорине из Кальдерона?

Я покачал головой. Имя всплывало в каких-то слухах – что-то про студента, который то ли пропал, то ли стал офицером, – но ничего определённого.

– А ты не слышал про Гре...

Она не договорила. В коридоре зазвучали шаги – те самые, тяжёлые, уверенные. Эдвин возвращался. Лицо Авроры мгновенно окаменело – живое исчезло, сменившись привычной маской. Прежде чем двери распахнулись, она метнула мне в руку небольшой свёрток. Бумага, сложенная в несколько раз, перевязанная нитью. Я спрятал его в карман за секунду до того, как вошёл Эдвин.

– Аврора, – произнёс он, осушая кубок, – мы давно не обсуждали детали твоей помолвки с принцем.

Я поднялся. Стул скрипнул по полу.

– Можно мне идти?

Эдвин небрежно махнул рукой – жест, которым отсылают слуг. Я вышел. Дверь захлопнулась, оборвав его голос на полуслове.

Коридоры встретили холодом и тишиной. Весь этот ужин был мерзким танцем на костях, которые ещё не остыли. Холод камня в ладони пульсировал, но я не сжимал его – пальцы просто помнили это движение, повторяли его сами.

У картины я снова замер. Мать Авроры. Рыжие волосы, глаза – почти как у моей собственной матери, но с тем самым потусторонним отливом. Что-то в ней было не отсюда. Чужое. Как и в самой Авроре. Как во мне. Мы оба были чу-

жими в этом доме – и, может быть, во всём этом мире.

Я сжал кулон сильнее. Ранки на ладони открылись, свежая кровь смешалась с уже подсыхающей. Боль была далёкой, почти чужой. Тени в углах коридора качнулись и поплыли – на этот раз я точно видел, а не воображал. В их хаосе начали проступать лица. Сперва – отец, каким я видел его в последний раз: без очков, с прищуром. Потом мать – такой, какой она была в тот вечер, когда я рассказывал ей о помосте. Потом чужие, незнакомые, десятки, сотни... Они смотрели на меня и сквозь меня.

Ноги подкосились. Пол качнулся навстречу. Сознание начало отслаиваться, как старая кора.

Шаги за спиной. Я отпустил кулон – пальцы разжались сами. Боль хлынула обратно в ладонь, а вместе с ней – звуки, запахи, вес собственного тела. Гнев угас. Тени втянулись по углам, как вода в песок.

Я обернулся. Аврора стояла в нескольких шагах – и в её глазах горел свет. Тот самый, которого не было ни у кого в этом доме.

– Винирион? После ужина прошло несколько часов.

Несколько часов. Я простоял здесь всё это время, глядя в картину, и не заметил, как опустели коридоры, как погасли лишние свечи, как дом погрузился в ночную тишину. Она взяла меня за руку, и её пальцы были тёплыми – не ледяными, как в коридоре перед ужином, а живыми, почти горячими.

– Ты ещё не читал то, что я передала?

Я покачал головой.

– Прочти, – прошептала она. – Когда будет время.

Мы шли к моей комнате. Она – рядом, так близко, что я слышал её дыхание, чувствовал тепло её плеча.

– Ты так и не закончила вопрос, – сказал я у самой двери.

– Ты хотела спросить, знаю ли я одного человека.

Её глаза расширились – на миг в них мелькнул страх, настоящий, живой. Тот самый, который она так тщательно прятала.

– Точно... Знаешь ли ты такого человека, как Грегори?

Я замер. Имя ударило, как нож в живот. Давно похороненное, давно оплаканное – я шесть лет заколачивал его в гроб, а теперь оно прозвучало из уст дочери моего врага.

– Откуда ты знаешь его?

– Нет-нет, ты не подумай! – Она отшатнулась, выставив руки. – Просто у брата был знакомый...

Она осеклась, густо покраснела и отвела взгляд, сообразив, что проговорилась. Я видел эту ложь – неуклюжую, шитую белыми нитками. Она лгала, и ложь выдала её с головой. Но давить я не стал. Не сейчас. Сейчас мне нужно было остаться одному и подумать.

Я закрыл дверь. Прислонился к ней спиной и стоял так, чувствуя, как колотится сердце. Грегори. Имя, которое я шесть лет пытался забыть. И она его знала.

Я лёг на спину, сжимая кулон в одной руке и письмо в

другой, и позволил тьме забрать меня.

Глава 6

Винирион

13 Непильдилега 963 год город Фольт

Весенняя ночь дышала холодом. Тонкие стены общежития не держали тепло, и я с головой закутался в одеяло, поджав колени к животу. Одеяло было колючим, кусачим – старая шерсть, протёртая до дыр в нескольких местах, – но выбора не было. Второго нам не выдали. За окном орали, смеялись, спотыкались о пустые бочки – Фольт праздновал День независимости Лоронина. Студенты гуляли, и их голоса эхом разносились по коридорам, мешаясь с пьяными песнями и звоном бутылок. Кто-то пробежал мимо нашей двери, и половицы задрожали.

Для меня этот праздник был просто шумом. Отец говорил, что независимость – сложная вещь. Что не все на острове её хотели, и что теперь, сорок лет спустя, старые споры никуда не делись. Я мало что понимал тогда. Просто запомнил – его голос, его лицо, когда он смотрел в окно и говорил о политике. Теперь, лёжа в холодной темноте, я вспоминал его слова и пытался сложить их в понятную картину, но ничего не выходило. В голове всё путалось, как нитки в старом клубке.

– Винирион, подвинься, – сонный шёпот раздался прямо над ухом. – Ты всю кровать занял.

Я промычал что-то неразборчивое и не двинулся с места. В бок тут же прилетел тычок – не больно, но ощутимо. Острый локоть ткнулся между рёбер.

– Сам подвинься, – буркнул я, не открывая глаз.

– Я не могу, я с краю. Ещё чуть-чуть – и свалюсь.

Я вздохнул и подвинулся к стене. Холод от камня пробрался сквозь одеяло сразу – противный, пробирающий до костей. Я упёрся лбом в шершавую кладку и замер, пережидая, пока согреется место. Кровать у нас была узкая – одна на двоих, потому что общежитие переполнили ещё в прошлом году, а новых комнат так и не достроили. Магистры разводили руками и говорили: «Терпите, вы же будущие ученики». Ученичество требовало от нас делить койки.

Грегори поёжилась, натягивая свой край одеяла, и затихла. Её пятки коснулись моих – ледяные. Я хотел что-то сказать, но промолчал. Её пятки всегда были ледяными, я уже привык. Я уже почти уснул, когда она снова завозилась, и её дыхание коснулось моего затылка.

– Как думаешь, нас не поймают?

– Уже сто раз не поймали, – ответил я, зевая. – Спи.

Нас могли поймать. Если бы магистры узнали, что мы спим в одной кровати, и что Грегори – не мальчик, её бы выгнали сразу. Без разбирательств. Девчонок в Фольт не брали, это был старый закон, и никому не приходило в голову его менять. Грегори сама придумала эту авантюру – состригла волосы, стащила у старшего брата старую одежду и записа-

лась под чужим именем. Я никому не рассказывал. Спали мы по очереди, прислушиваясь к шагам в коридоре. Но в ту ночь гулянье заглушало всё, и мы просто уснули. Впервые за долгое время – без страха, без ожидания стука в дверь.

Мне нравилось, что она рядом. В темноте было теплее, и страх отпускал. Я никогда не говорил ей об этом – вслух. Но, кажется, она знала.

Утро пришло слишком быстро. Я сидел на лекции и клевал носом. Глаза закрывались сами собой, голова падала на грудь, и я вздрагивал, просыпаясь на секунду, чтобы снова провалиться в дрёму. Перед глазами плыли строчки недописанного конспекта. Я разлеплял веки только затем, чтобы снова увидеть перед собой кафедру, за которой возвышался господин Констант – сухой, прямой, как палка, в своём бесменном тёмном сюртуке. В аудитории пахло мелом, чернилами и пылью, и от этой смеси меня мутило.

– Кто скажет, какой сегодня день?

Его голос звучал ровно, почти монотонно, и от этого спать хотелось ещё сильнее. Он всегда так говорил – будто читал вслух книгу, которую знал наизусть. Я посмотрел на Грегори. Она сидела рядом и тоже боролась со сном – голова то и дело клонилась к столу, перо выпадало из пальцев, она ловила его в последний момент и снова замирала, стараясь держать спину прямо.

– Сегодня... эм-м... День независимости Лоронина, – раз-

дался робкий голос с передних рядов.

Я узнал Бьера. Он был на пару лет старше нас и всегда отвечал первым, даже когда не знал ответа. Просто чтобы прервать тишину, которая в аудитории Константа становилась невыносимой.

– Хорошо, – Констант уставился на него тяжёлым взглядом. Его глаза, казалось, просверливали дыру в переносице. – Но я хотел бы услышать более развёрнутый ответ.

Бьер замялся, зашуршал пергаментами, начал что-то мямлить про события, которые привели к войне. Я перестал слушать. За окном светило солнце, и ветки старого дуба качались от ветра. Листья были молодые, светло-зелёные, почти прозрачные на свету. Там было хорошо. Там был воздух, а не эта душная коробка, где даже мухи дохли от скуки.

– Грегори, – вдруг произнёс Констант. – Продолжите.

Грегори не шевельнулась. Она спала, положив голову на сложенные руки. Её короткие рыжие волосы разметались по столу, и одна прядь прилипла к чернильнице.

Я замер. Констант не любил, когда отвлекались. Он считал, что история – важнейшая из наук, и тех, кто с ним не соглашался, ждали дополнительные занятия после уроков, в пустом классе, один на один с его монотонным голосом. Я осторожно пихнул Грегори ногой под столом.

Она вздрогнула, подняла голову, захлопала глазами. На щеке отпечатался рукав.

– Мы слушаем, – сказал Констант. Его голос не изменился

ни на ноту, но в воздухе повис холод.

– Извините, я... не могли бы вы повторить вопрос?

Грегори говорила медленно, всё ещё пытаюсь проснуться. Константин посмотрел на неё долгим взглядом – я видел, как он чуть прищурился, словно прикидывая, стоит ли тратить время, – а потом повернулся к Бьеру:

– Продолжай.

Лекция тянулась бесконечно. Константин перешёл к деталям перемирия, потом к торговым соглашениям, и каждое слово ложилось на плечи, как мешок с песком. Когда наконец прозвучало «на сегодня вы свободны», я схватил Грегори за рукав и потащил к выходу. Мы вылетели из аудитории и побежали по коридору, а потом вниз по лестнице, мимо удивлённых старшекурсников, в парк – подальше от каменных стен и запаха чернильной пыли.

В парке было прохладно. Деревья только-только оделись листвой, и свет пробивался сквозь ветки зелёными пятнами, дрожал на земле, на наших руках, на старой деревянной скамейке у фонтана. Фонтан не работал – его запускали только летом, – но в каменной чаше стояла дождевая вода, и в ней плавали жуки-плавунцы и огрызок яблока, который кто-то бросил туда ещё на прошлой седмице. Мы сели на лавочку – там, где нас никто не мог услышать, – и я наконец выдохнул.

– Ты как? – спросил я.

– Ничего. Выплюсь.

Грегори смотрела на воду. Ветер трогал её короткие во-

лосы, и они смешно топорщились на затылке. Она подняла камешек, бросила в воду. Круги разошлись и затихли.

– Он тебя опять вызвал? Констант?

– На следующей седмице. Сказал, чтобы была вовремя.

Я кивнул. Мы оба знали, что это значит. Он будет рассказывать ей историю – ту самую, которую она и так знала наизусть, но которую слушала, потому что иначе нельзя. Иначе – отчисление, разбирательство, вопросы. И тогда её тайна могла раскрыться.

– Винирион, – вдруг позвала она, и её голос прозвучал серьёзно, не по-детски. – А ты когда-нибудь думал... ну, что было бы, если бы мы жили в другое время?

Я пожал плечами. Я вообще редко думал о таком. Мне нравилось сейчас. Нравилось, что мы здесь, в Фольте, что у нас есть эта лавочка и этот парк, и что солнце светит, и не надо никуда бежать.

– Не знаю. А ты?

Она посмотрела на меня – долгим, серьёзным взглядом, каким смотрят только дети и очень старые люди. Её зелёные глаза стали глубже, словно она видела что-то за моей спиной.

– Иногда думаю. Вот было бы здорово жить во времена Кальдирена Великого. Когда Империя была настоящей, а не такой, как сейчас. Когда все эти споры ещё не начались. Когда... ну, когда не было вот этого вот всего.

– Это легенды, – сказал я. – Никто не знает, как там было на самом деле. Может, всё было ещё хуже.

– Всё равно. Я бы хотела увидеть.

Я помолчал, болтая ногами. Мысли в голове были простые и ясные, как вода в фонтане. Солнце начало пригревать сильнее, и от земли поднимался лёгкий пар.

– А если бы мы тогда не встретились? – спросил я. – Ну, в том времени.

Грегори замерла. Камешек, который она держала в пальцах, упал в воду. Потом она улыбнулась – широко, открыто, и я вдруг заметил, какие у неё глаза. Зелёные, глубокие, как хвоя. Она никогда не говорила, откуда у неё такое странное имя и кто её родители. Я и не спрашивал. Мне хватало того, что она есть.

– Ну и глупый же ты, Винирион. Конечно бы встретились. Мы всегда встречаемся.

Она сказала это так уверенно, что я поверил. Тогда это было легко – верить.

Солнце поднялось выше, и тень от дуба поползла вправо. Где-то вдалеке студенты всё ещё праздновали, не обращая внимания на лекции, законы и всё остальное. Из открытого окна корчмы долетала песня – фальшивая, но громкая.

– Пойдём, – сказал я. – А то обед пропустим.

Мы встали и пошли по аллее. Грегори шагала чуть впереди, и я смотрел на её короткие, неровно остриженные волосы, на торчащие вихры, которые она сама подрезала седмицу назад. В тот день всё было просто. Никто не умирал. Никто не горел на костре. Мир был целым.

Я запомнил это.

Глава 7

Винирион

15 Винириона 969 год Город Лоронин

Корнелий откинулся в кресле и посмотрел на меня – оценивающе, без тени приязни. Мы сидели в саду. Утро было холодным, ясным, и свет падал на каменный стол резкими полосами, резал глаза. Я прищурился и ничего не ответил.

– Скажи, Винирион. Как долго и насколько глубоко вы изучали стратегию и тактику?

Я не стал врать. Врать ему было бессмысленно – он видел меня насквозь, как видел каждого, кто держал перед ним меч.

– Я вообще не вижу разницы между этими словами.

Он усмехнулся – коротко, сухо. Поймал на лету сорвавшийся с ветки лист, смял его в кулаке. Сухие прожилки хрустнули, как кости мелкого зверька. Я вздрогнул от этого звука, но промолчал.

– Стратегия, – сказал он, стряхивая труху с пальцев, – это когда ты решаешь, какой город взять, по какой тропе провести армию и где перерезать снабжение врага. Ты побеждаешь ещё до того, как прольётся первая кровь. Тактика – это когда фаланга уже дышит тебе в лицо, и ты решаешь, куда ударить прямо сейчас.

Он поднялся. Движения у него были плавные, как у хищ-

ника, который никуда не спешит. Я не услышал ни скрипа доспеха, ни хруста щебня под сапогами. Он просто оказался на ногах – и всё.

– Начнём с тактики. Со стойки. Без неё стратегия – красивые линии на пергаменте, которые заливают кровью. Вставай.

Мы двинулись вглубь сада. Листья под ногами пахли горькой дымкой и сырой землёй. Под ногами хлюпала грязь, невидимая в тени, и я чувствовал, как холодная влага просачивается сквозь подошву. Воздух стал прозрачным и колючим – таким, какой бывает только в середине осени, когда солнце уже не греет, а лишь освещает умирание. Вся эта осень – безмолвная, гниющая – перекликалась с тем, что я чувствовал внутри. Старая жизнь осыпалась прахом, а новая ещё не началась. Может, и не начнётся.

На площадке под вязами Корнелий достал два тренировочных меча. Я даже не заметил, как он их принёс. Они просто появились в его руках, будто он вытащил их из воздуха. Рыцарь двигался бесшумно, несмотря на годы и доспех.

Он протянул мне деревянный клинок и замер, глядя на мои пальцы. Я почувствовал, как его взгляд упёрся в мою ладонь – туда, где ещё не зажили ранки от кулона. Он ничего не сказал о них. Просто ждал. В его взгляде не было липкой тяжести, как у Эдвина. Только оценка. Сухая, острая, как грань стали.

Я не доверял ему. Он делил хлеб с Эдвином и спал под его

крышей. Этого было достаточно, чтобы считать его врагом. Но в тот момент это не имело значения. Мне нужно было научиться.

– Держишь как кухонный нож, – заметил он. – Меч – это воля. Если воля дрожит, клинок бесполезен. Ноги на ширине плеч. Вес на носки. Двигайся.

Я попытался шагнуть в сторону и зацепился пяткой за корень вяза. Мир накренился, и я едва удержал равновесие, схватившись за ближайшую ветку. Корнелий даже не моргнул. Он смотрел на меня, как на пустое место, и от этого было хуже, чем от насмешки.

– Нанеси удар. Покажи, сколько в тебе ярости.

Ярость – это всё, что у меня оставалось после костра. Она сидела где-то глубоко, под ледяной коркой кулона, и я не собирался её показывать. Он хотел увидеть? Пусть смотрит. Я сделал прямой выпад – неуклюжий, медленный, как в дурном сне.

Он отбил его лёгким движением запястья. Дерево стукнуло о дерево, и удар отдался в ладони тупой болью.

– Ты бил в мою защиту. Это пустая трата сил. Бей туда, где меня нет. Когда я поднимаю меч для блока, открываются дыры. Вот здесь, – он ткнул клинком в воздух у моего бока, и кончик дерева почти коснулся моей рубахи, – под мышкой. И здесь, на бедре. Мгновение – и их нет. Учись видеть их.

Я кивнул. Пот стекал по виску, но я не вытирал его.

Мы работали до сумерек. Его меч находил меня снова и

снова – в горло, в живот, в бок, по ногам, по пальцам. Я не успевал. Он двигался экономно, почти лениво, и каждый мой промах встречал коротким тычком, от которого оставались синяки. Пальцы горели, деревянная рукоять стала скользкой от пота, и я боялся, что выроню её. Спина ныла. Рубаха прилипла к телу, тяжёлая, мокрая, и холодный ветер пробирал до костей каждый раз, когда мы останавливались.

Один раз я почти достал его. Он отвёл мой удар, и его левый бок на миг открылся – короткая щель, на один удар сердца. Я рванулся вперёд, забыв о защите, и тут же напоролся на острие его меча. Дерево упёрлось мне в горло – жёстко, до хруста в шейных позвонках. Я замер. Он мог ударить сильнее, но не стал.

– Ты слишком спешишь убить, – произнёс он, не убирая клинка. – И забываешь, что тебя тоже хотят убить. Суть тактики проста: найти чужую дыру и не открыть свою.

Он опустил меч. Я отошёл к краю площадки, хватая ртом холодный воздух. Лёгкие горели, во рту стоял привкус железа. Письмо Авроры в кармане намокло от пота и прилипло к бедру. Я чувствовал его тяжесть при каждом движении.

Корнелий налил воды из кувшина, подал ковш. Япил жадно, и вода текла по подбородку, капала на рубаху. Он стоял поодаль, глядя в засыпающий сад, и в его неподвижности было что-то от старого изваяния – выветренного, покрытого трещинами, но несломленного. Когда я вернул ковш, он молча указал мечом на центр площадки.

Передышка закончилась.

К ночи я едва стоял на ногах. Поясницу ломило так, что каждый шаг отдавался в позвоночник. Предплечья гудели, пальцы не гнулись. Но внутри, под слоем усталости и боли, шевелилось что-то новое. Не благодарность – я не умел быть благодарным. Скорее, понимание. Этот старик мог бы убить меня десятки раз за один урок. Он не убил. Он учил. Он вкладывал в меня что-то – и это что-то было сильнее ненависти к нему.

Я поднялся к себе и рухнул на кровать. Мышцы ныли, каждая косточка молила о покое. Позвоночник казался раскалённым прутком, вбитым в крестец. Месяцы за пыльным столом, гусиное перо вместо меча – всё это мстило мне сейчас за каждое мгновение лени. Я лежал, глядя в тёмный потолок, и слушал, как в висках стучит кровь.

Но письмо жгло карман.

Я поднялся. Движение отозвалось болью в спине, но я заставил себя встать. Зажёг свечу. Фитиль затрещал, и неровный огонёк заметался по стенам. Я развернул свёрток.

Пляшущий свет выхватил неровные строчки. Гонортские буквы вгрызались в плавный светлодайдский шрифт, как занозы. Шифр. Я видел такие сотни раз в дешёвых романах, что переписывал ради куска хлеба. Взгляд скользил по знакам почти бездумно, и кулон на груди делал своё дело – холод вымывал любопытство, оставляя голый смысл. Строчка за строчкой – никаких эмоций, только факты.

«Кто бы это ни читал, знай – скорее всего, я сама отдала тебе это в руки...»

Брат. Дорин Бездушный. Дорин из Кальдерона. Она боялась за него. Боялась, что он мёртв, а отец лжёт. Помолвка с принцем. Она искала выход. Искала союзника. И выбрала меня.

«ПС: Если всё же ты мой "друг", скажи мне: "Днём власть Элисара выше"».

Я перечитал последнюю строчку. «Друх». Ошибка, которую мог сделать только тот, кто никогда не учил гонортский всерьёз. Ошибка, которую я уже видел когда-то. Шесть лет назад. В других письмах – коротких, смешных, полных таких же оплошностей. Письмах, которые я читал по ночам, пряча под одеялом.

Грегори.

Холод кулона схлынул. Всего на миг – один короткий удар сердца. В груди что-то сжалось, глухо и болезненно, как старая рана, которую потревожили во сне. А потом холод вернулся, и всё снова затихло. Камень не давал ране открыться. Но и закрыть её до конца уже не мог.

Я смял пергамент в кулаке – резко, до хруста бумаги, – и тут же разгладил его ладонью. Нельзя. Это улика. Это нужно спрятать. Я сунул письмо под подушку и лёг, уставившись в потолок.

Сон не шёл. Перед глазами стояли строчки – неровные, рваные, написанные рукой, которая не привыкла держать пе-

ро. И имя. То самое имя, которое я шесть лет заколачивал в гроб, засыпал землёй и запрещал себе вспоминать.

Теперь оно лежало передо мной на бумаге. И холод кулона был бессилён.

Глава 8

Винирион

30 Винириона 969 год город Лоронин

Две седмицы тренировок. Время в поместье ползло, как застывающая смола, но часы под вязами сгорали быстро. Утром, ещё до завтрака, я выходил на площадку, разминал затёкшие за ночь мышцы и ждал, пока из-за деревьев появится его силуэт. Корнелий гонял меня до изнеможения – до дрожи в коленях, до солёного привкуса во рту, до темноты перед глазами, – и это изнеможение было единственным, что держало на плаву. Всё остальное – коридоры, ужины, взгляды слуг – казалось бессмысленной декорацией.

Сам он не менялся. Стальной истукан. Редкие замечания – о «бестолковой злобе», о том, что я тороплюсь, что я открываюсь на третьем шаге, что мой левый локоть гуляет и это заметно даже слепому. В конце каждого занятия он ронял одну и ту же фразу: «Эдвин скоро найдёт тебе настоящего наставника». Это висело в воздухе, превращая каждый урок в последний. Мысль о замене вызывала не облегчение, а глухое раздражение. Я привык к его манере. К холоду. К безжалостной точности, которая не прощала ошибок, но и не унижала за них.

В тот день солнце стояло низко. Листья под ногами хрустели и пахли горькой дымкой. Мы сошлись в очередной

схватке. Его клинок – тяжёлый, затупленный – описывал короткие, безрадостные круги. Я отбивался, чувствуя, как каждый удар отдаётся в костях, как вибрирует рукоять в ладони, как немеют пальцы от напряжения.

Он пошёл в атаку. Выпад в лицо – я вскинул меч, открывая корпус, и в тот же миг понял, что попался. Тут же его острое рванулось вниз, в живот. Мыслей не было. Только вбитая в мышцы истина: встретить сталь сталью. Я рванул клинок вниз, совершил широкий, грубый заслон, отбив его оружие в сторону. Лязг. И щель – на один вздох.

Я шагнул вперёд. Замахнулся сверху, целя в открытое плечо, всей тяжестью изображая мощный, дурацкий удар. Его взгляд метнулся туда, куда я обещал попасть. Обман. В последний миг я перекачал силу в короткий толчок. Клинок изменил траекторию и пошёл прямо – в корпус, под плащ.

Глухой, влажный стук. Острие упёрлось в плоскую гарду. Он успел. Чудом. Его рука дрогнула, приняв удар, который должен был пройти мимо.

Мы замерли. Я дышал тяжело, сердце колотилось в висках. Он стоял неподвижно. Взгляд – холодный, как омут – упёрся в точку, где встретились наши клинки. Ни одобрения. Ни злости. Только оценка.

– Хитрость, – произнёс он. – Глупая. Ты открылся под ответный выпад. Но задатки есть. Эдвину теперь есть что доложить.

Слова «доложить Эдвину» ударили глухо. Я был не уче-

ником. Я был отчётом. Зверьком, которого выдрессировали для хозяйского смотра. Корнелий уже отходил к скамье. Его спина – широкая, непробиваемая – говорила яснее слов. Урок окончен.

Я сжимал кулон в ладони. Холод вытягивал усталость. Концентрация становилась острой, как бритва. Интересно, если не отпускать его никогда – станет ли клинок безупречным? Или я превращусь в живое изваяние, не способное прочесть ни тени эмоции на лице врага?

После ужина я брёл по саду. Мысли крутились вокруг письма Авроры – но подойти к ней не удавалось. Эдвин следил. Слуги следили. Достаточно было одного неверного взгляда, чтобы нас обоих вывернули наизнанку. Между нами всегда было слишком много глаз.

Я забрёл в незнакомую часть сада. Здесь высились древние буки – исполинские, с узловатыми корнями, выползающими из земли, как змеи. Верхушки ещё цеплялись за зелень, но стволы уже стояли в густой, неподвижной тишине. Ветер затихал, разбиваясь о стену коры. И где-то вдалеке – голоса.

Я двинулся на звук. Шаг – почти беззвучный. Корнелий научил меня переносить вес так, что даже щепень не хрустел. Теперь я понимал, зачем: чтобы подкрасться к врагу. Или к тем, кто говорит о твоём враге.

– ...мы готовы выдвигаться.

Человек в доспехе тёмной кожи говорил с Эдвином. На

груди – буква «Н». Таомелиец. Его голос был низким, с хрипотцой, пропитанным дымом лагерных костров.

– Ваш генерал торопит события. Вы уверены, что он именно там?

Я замер за стволом бука. Дыхание замедлилось. Кулон на груди холодел, и холод поднимался к горлу.

– Без сомнений. Дорин Бездушный не оправился после летней кампании. Скрывается в лесах близ Кальдерона.

– Это мне известно. Как вы выманите его из чащи?

– Приманка. Клан Кеншагон и лично Гавейн фон Кеншагон.

– Кеншагон цу Милдон, – поправил Эдвин с холодным смешком. – Он лишился титула.

– Пусть скажет спасибо, что генерал позволил вернуть хотя бы замок.

Дорин. Брат Авроры. Тот, кого она искала. Я прижался спиной к коре. Кора была шершавой и холодной, и я чувствовал каждую трещину лопатками. Сердце стучало слишком громко. Если они услышат – конец.

– ...выманить провокацией. Пока Кеншагон атакует в лоб, основные силы...

Тяжёлая ладонь легла мне на плечо.

Кулон мгновенно втянул всплеск паники. Тело осталось неподвижным. В голове вспыхнуло: площадь, столб, пламя, пожирающее отца. Фантомная боль обожгла ступни.

Я обернулся. Корнелий. Шрам на его лице казался чёрной

бороздой в лунном свете.

– Как я вижу, ты решил продолжить обучение ночью, – произнёс он. Голос ровный. Ни гнева. Ни насмешки. Пустая интонация.

Я коротко кивнул.

– Ночные бои сложнее дневных. Возвращаемся на площадку.

Он развернул меня и повёл прочь, заслоня спиной от бедки. Я шёл за ним и не понимал. Почему он не выдал меня? Почему не позвал Эдвина? Может, он не служит ему. Может, он служит кому-то ещё – и я просто не знаю кому.

Мы вернулись под вязы. Он ничего не объяснил. Просто взял меч и встал в стойку. И я понял: этот человек ведёт свою игру, правил которой я пока не знаю.

Ночь мы провели на площадке. Он гонял меня до серого рассвета. Звёзды погасли, небо стало белым, а мы всё ещё стояли друг напротив друга, и деревянные клинки стучали в тишине. Когда я добрался до комнаты, тело было чужим. Руки висели плетью. Суставы – битое стекло. Я рухнул на кровать, не раздеваясь, и провалился в сон без сновидений. Только кулон на груди держал сознание в теле.

На следующий день Корнелий ушёл. Я не знал куда. Его комната опустела, и даже слуги не знали, когда он вернётся. Эдвин заменил его в считанные дни.

Новый наставник был дотошен и пуст. Переписчик, по ошибке забредший на поле боя. Он двигался, как человек,

который выучил фехтование по книгам: все стойки правильные, все углы выверены, но не хватало главного – чувства боя. Он говорил правильные слова, но за ними не стояло ничего. Удар. Стойка. Парирование. Повтор. Его уроки не выжигали – они замуровывали ярость под слой бесполезных форм. После них тело не просило смерти. Оно ныло от скуки – и это было хуже.

Я терпел достаточно долго.

В день, когда он согласился на вольный бой, я был готов. Он встал в безупречную стойку. Меч ходил плавно, выписывая лишённые жизни узоры. Уверенный. Снисходительный.

– Покажи, чему научился, Винирион. Не робей.

Я сжал рукоять не по его канону. Так, как вбил Корнелий. Крепко, будто вырывал у мира право на месть. Старая боль в плечах отозвалась знакомой ломотой.

Атака. Невыразительный, ленивый размах слева направо. Удар послушного ученика. Предсказуемый до тошноты.

Он парировал. Легко, технично – и его меч отбросил мой, открывая левый бок. В его взгляде уже мелькнуло удовлетворение. Он собирался остановить бой. Прочсть лекцию о том, как легко я попался.

Но его запястье на долю секунды расслабилось.

Я вложил в этот миг всё. Глухое бешенство от его поучений. Презрение к этому балагану с деревяшками. Ледяную память о ночных уроках под буками. Мой клинок не изменил траекторию – он продолжил движение, будто отскок был

частью замысла. Короткий, жестокий рывок телом – и дерево обрушилось вниз.

Не в корпус. Прямо в запястье.

Глухой хруст. Его меч покатился по камням. Он отпрянул, зажимая повреждённую кисть. Лицо стало землистым. Страх. Животное непонимание в глазах.

– Ты... – голос сорвался в хрип.

Я опустил оружие. В висках стучало. Кулон впитывал остатки жара, оставляя ледяную ясность.

– На сегодня достаточно.

Мой голос прозвучал чужим. Я развернулся и пошёл прочь. Он остался позади – со сломанным запястьем и разрушенной уверенностью. Урок был усвоен. Мной.

Глава 9

Аврора

7 Вутороме 969 год город Лоронин

С каждым днём Винирион казался мне всё более чужим. Не мне – этому дому, этому саду, самому себе. Холодное, неподвижное изваяние. Но в редкие мгновения, когда мне удавалось поймать его взгляд, я видела в глубине нечто, от чего перехватывало дыхание. Так смотрят угли перед тем, как погаснуть. Я не знала, что именно замечаю – может быть, ответ того же огня, что горел во мне, – но каждый раз, когда наши взгляды пересекались, по спине пробегала дрожь.

Когда господин Фиоре покинул поместье, прижимая к груди сломанное запястье, я ждала, что отец обрушит на Винириона всю свою ярость. Вместо этого он лишь рассмеялся. Я стояла за дверью кабинета, вжавшись в стену, и слышала каждое слово: «Настоящий мастер не позволил бы мальчишке покалечить себя обычным финтом. Убирайтесь, Фиоре». В его голосе звучало не возмущение – почти гордость. Как будто Винирион был его собственностью, которая внезапно показала зубы, и это его позабавило. У меня по спине пробежал холодок – не от страха, а от внезапного понимания: Отец видит в нём не человека – орудие. И это делало нас похожими больше, чем цвет глаз.

Новых наставников по фехтованию отец не искал. Вме-

сто этого отправил Винириона в библиотеку – к Кармине, на уроки истории и этики.

Для меня это стало спасением. В старой учебной комнате пахло сухими травами и пыльным пергаментом – запах, который с детства казался мне единственным уютным в этом доме, – и здесь я могла просто сидеть позади него и смотреть. Открыто. Не прячась. Кармина делала вид, что не замечает. Она сидела у камина с прямой спиной и монотонным голосом перечисляла даты, а я устраивалась у дальней стены, где свет падал из окна косыми полосами, и просто позволяла себе быть рядом.

– После смерти императора Мирина Третьего, около двести пятьдесят четвёртого года, произошло разделение империи на две части. Но ответь мне, Винирион: в чём была истинная причина этого раскола?

Её голос звучал монотонно, убаюкивающе. Даты и имена великих покойников проносились мимо. Я смотрела не на неё.

– Разногласия между его сыновьями, – ответил Винирион. Голос ровный, как гладь замёрзшего пруда. Но пальцы, сжатые на краю стола, побелели. На шее пульсировала жилка. Ему было тошно от этих мёртвых истин. Я видела это так же ясно, как видела страх в глазах слуг перед отцом. Мне хотелось коснуться его плеча, сказать что-то, но я осталась на месте. Нельзя. Слишком много глаз.

Кармина продолжала расспросы. О Мирине Четвёртом, о

Варжарине Первом, о вражде ярмарцев и таомельцев. Я не слушала. Я жадно вглядывалась в его лицо, пытаюсь разгадать, что за Альтйор терзает его изнутри. Что выжигает всё живое и оставляет только эту ледяную корку. Что-то в его чертах – в том, как он хмурился, когда думал, что никто не смотрит, – напоминало мне брата до войны. Ту же упрямую складку между бровей. Тот же голод в глазах, который не утоляют ни знания, ни победы.

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что образ матери снова ускользает. Раньше я могла вызвать его в памяти ясно: её руки, запах лаванды, смех. Теперь он истончился, как старый пергамент, с которого время стирает буквы. Я с ужасом понимала, что забываю. И от этого внутри всё сжималось в тугой, холодный узел. Но, глядя на Винириона, я чувствовала странное тепло – не к нему, а к тому, что он каким-то образом возвращал меня в прошлое. В Фольт. В те дни, когда я ещё не была Авророй.

– На сегодня хватит, – произнесла Кармина, сворачивая свиток. – Я схожу за кодексом «Диалогов о чести». Подожди здесь.

Дверь закрылась. Её шаги затихли в глубине коридора. Тишина обрушилась внезапно – плотная, как вода, – и я вдруг осознала: мы одни.

Сердце ударило в горле. Глухо. Предательски громко.

Винирион стоял у окна спиной ко мне. Солнечный свет падал на его плечи, и пылинки кружились в золотистых лу-

чах, как крошечные живые существа. Он не двигался. Его спина была прямой, но не напряжённой – скорее застывшей, как у человека, который давно привык быть один. И эта неподвижность вдруг задела меня – остро, почти болезненно. Мне захотелось разрушить её. Бросить что-нибудь. Закричать. Сделать так, чтобы он перестал быть частью этой замершей картины и стал настоящим. Живым.

И будто услышав мою немую досаду, он повернулся.

Наши взгляды встретились. Время споткнулось. Я не успела отвести глаза. Не успела натянуть маску. Жар поднялся от шеи к щекам и залил лицо предательским румянцем. В ушах зазвенело, и я почувствовала, как кончики пальцев покалывает от напряжения.

– Знаешь, днём власть Элисара выше.

Он произнёс это тихо, почти без интонации. Но слова ударили наотмашь.

Мои пальцы вцепились в складки платья с такой силой, что заболели суставы. Та самая бессмыслица. Тот нелепый набор слов, который я вывела дрожащей рукой в письме. Он прочитал. Запомнил. И теперь бросил мне, как ключ – прямо в лицо, не заботясь о том, поймаю ли я его.

В голове зашумело. Кровь отхлынула от лица, оставив щёки ледяными. Я смотрела на него, не в силах пошевелиться, и во мне боролись два чувства: первобытный страх – что это ловушка, что он сдаст меня отцу, – и безумная, внезапная надежда.

– Ты... всё-таки прочёл его.

Мой голос сорвался на шёпот – хриплый, сдавленный, как будто я не говорила несколько дней.

– Полагаю, передавая письмо, ты рассчитывала именно на это.

Он шагнул ближе. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах застыло ожидание. Не враждебное. Скорее – оценивающее. Он ждал, что я сделаю дальше, и не собирался помогать.

– Глупо было бы оставлять его без внимания, раз ты так рисковала.

Я не находила слов. Он подошёл ещё ближе. Между нами осталось несколько дюймов – расстояние, на котором мир сужается до одного человека. Воздух стал горячим и густым, пропитанным запахом старой кожи от его туники и чем-то ещё – едва уловимым, горьковатым, как дым. Я чувствовала, как моё собственное дыхание, отражаясь от его груди, возвращается к моему лицу – тёплое, частое.

Я вскинула руки – не обнять, не оттолкнуть. Просто невольно, как защиту. Ладони упёрлись в ткань его туники. Под ней – твёрдость тела и ровный, пугающе спокойный ритм сердца. Моё колотилось так яростно, что сердце отдавалось в кончиках пальцев, в висках, в горле.

Он отступил сам. Холодный воздух заполнил пространство между нами, и я пошатнулась, будто у меня выбили опору. В груди что-то оборвалось – и тут же затянулось ледяной

коркой.

– Насколько ты уверена в том, где сейчас твой брат?

Голос – едва слышный шёпот. Я опустила голову. Взгляд упёрся в носки туфель. Весь мой запал, вся решимость вдруг рассыпались в прах. Я не знала ничего. Только крупички слухов и отчаянную надежду. Ни карт, ни имён. Только сердце, которое твердило: он жив.

– Допустим, я слышал о твоём брате один слух, – произнёс Винирион. Его взгляд изучал моё лицо, и я понимала: он ищет признаки предательства. Я видела, как его правый глаз скользит по моим скулам, по губам, по тому, как я дышу. – Но прежде скажи: могу ли я доверять тебе?

Обида обожгла горло, как глоток горячего вина. Я вскинула голову. Неужели он не видит? Неужели думает, что я способна играть в такие игры на крови собственного брата? Во мне течёт кровь отца – да, – но не только его. Я хотела закричать, но сдержалась. Крик здесь был непозволительной роскошью.

– И всё же, – продолжил он, не дожидаясь ответа, – когда я смотрю тебе в глаза, мне кажется, что доверия ты заслуживаешь. По крайней мере, самую малость.

Я пропустила колкость мимо ушей. Сейчас всё, что имело значение – это его слова о брате. О Дорине, которого я не видела целую вечность и которого уже почти похоронила в мыслях.

– Говори, – выдохнула я. – Пожалуйста.

– Твой отец говорил с каким-то человеком. Я не знаю его имени, но из их беседы стало ясно: твой брат жив. Сейчас он скрывается где-то в лесах близ Кальдерона.

Кальдерон. Я закрыла глаза, и передо мной всплыла карта острова – старая, выцветшая, которую я помнила ещё с уроков с мамой. Лоронин – на юго-восточном побережье. Непролазные чащи Кальдерона – в нескольких десятках миль на северо-запад. Сердце пропустило удар и понеслось вскачь. В глазах защипало, и я зажмурилась сильнее, чтобы сдержать подступающие слёзы. Он жив. Дорин жив. Не умер в том лагере. Не сгинул без вести. Живёт, дышит, ждёт – может быть, даже ждёт меня.

Шаги в коридоре. Я мгновенно подобралась, отступила к окну за спиной Винириона. Он уже стоял там – безучастный созерцатель увядающей природы. Я прижалась плечом к холодному стеклу и почувствовала, как дрожь уходит, сменяясь ледяным спокойствием.

Кармина вошла с тяжёлым кодексом в руках. Её лицо покраснело от быстрой ходьбы.

– Хорошо, что я успела перехватить господина Эдвина до того, как он уехал, и попросить ключ от хранилища.

Я замерла. Отец уехал? Слова Кармины повисли в воздухе, и я боялась дышать, чтобы не спугнуть их.

– Мой отец... куда-то уехал? – вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. Слишком быстро. Слишком жадно. Но Кармина не заметила – или сделала вид, что не

заметила.

– Да, дитя моё. По срочным делам. Его не будет в поместье месяц, а может, и дольше.

Она передала кодекс Винириону, поклонилась мне и вышла. Дверь закрылась с тихим щелчком. Тишина.

Я смотрела на прямую спину Винириона, на его застывшие плечи, на то, как солнечный свет дрожал на его волосах. Месяц. Отец уехал на месяц. Внутри всё звенело – не от страха, а от того, что я впервые за долгие годы чувствовала: у меня есть шанс. Не призрачный, не мнимый – настоящий.

– Винирион, – голос сорвался, и я сглотнула, пытаюсь унять дрожь. Сердце бухало в груди, как кузнечный молот. – Что ты думаешь о том... чтобы покинуть это место? Навсегда.

Он медленно обернулся. Его правый глаз смотрел на меня – без удивления, без страха, но и без насмешки. И в этой тишине я слышала только оглушительный стук своего сердца – и больше ничего.

Глава 10

Винирион

8 Вутороме 969 год город Лоронин

С того момента, как Аврора озвучила своё безумное предложение, прошёл день. Я сказал ей «подумаю». На деле решение было принято мгновенно – ещё до того, как она закончила фразу. Другого выхода из этой позолоченной клетки не существовало. Оставалось действовать.

Весь следующий день я использовал каждую свободную минуту. Уроки этики с Карминой были пыткой – нудной, тягучей, бессмысленной, – но я терпел. Её монотонный голос перекачивался надо мной, как волны, и я кивал в нужных местах, пока мои мысли были далеко. После занятий выходил в сад и под видом упражнений с мечом прочёсывал каждый угол. Фиоре всё ещё зализывал сломанное запястье, нового надзирателя Эдвин не прислал, и я был предоставлен сам себе. Редкая удача. Возможно, единственная, которая мне выпадет.

Я мерил шагами дорожки, подмечая, какие участки просматриваются из окон поместья, а какие остаются в тени. Выяснил, где хрустит щебень, а где можно пройти бесшумно – по траве, по мягкой земле у корней. В самой глубине сада, за старыми вязами, обнаружил заросшую тропинку в низине. Она уводила в лес – дикий, тёмный, не похожий на стриже-

ные аллеи. Я постоял у кромки, глядя на колышущиеся ветки. Свобода была в нескольких шагах. Я чувствовал её запах – прелой листвы, сырой земли и чего-то острого, почти звериного. Я развернулся и пошёл обратно, и каждый шаг давался с трудом.

Не глупец. Если исчезну сейчас – тревогу поднимут раньше, чем я успею скрыться из виду. Без припасов, без тёплой одежды – смерть в первом же овраге. Замёрзнуть или подохнуть от голода. Выбор так себе. Я знал, что такое холод – настоящий, пробирающий до костей, тот, что приходит осенними ночами, когда отсыревает одежда и ветер задувает под неё, как под старую дверь. Без подготовки лес убьёт нас быстрее, чем люди Эдвина.

Мне нужна была Аврора. Она жила здесь всю жизнь и знала этот дом как свои пять пальцев. Где ключи от кладовых, где хранятся дорожные припасы, как выйти через чёрный ход, не попавшись на глаза слугам. Без неё – никак. Но и с ней – риск. Не тот, что она предаст или сломается, – она доказала, что не из пугливых. Другой: что я не смогу её защитить. Что в лесу, под холодным дождём, когда у нас не останется ни еды, ни сил, я буду смотреть на неё и понимать, что не справляюсь.

Я вернулся в дом и сразу направился в библиотеку. Она была там. Как всегда – сидела позади, безмолвная тень. Едва я закрыл дверь, наши взгляды встретились.

– Насколько серьёзно ты готова к тому, что предложила

вчера? – спросил я без предисловий.

Голос прозвучал резче, чем следовало. Кулон на груди делал своё дело: мир казался выцветшим, чувства – помехой. Пустота стала второй кожей, и я уже не помнил, каково это – говорить иначе.

– Значит, ты согласен?

Она проигнорировала мою грубость. Уже интересно. Я думал, она отшатнётся или обидится – но нет. Она подалась вперёд, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на голод.

– Скажи, у тебя есть хоть какой-то план? Что мы будем делать, когда переступим черту поместья?

– А если я скажу, что есть, это как-то повлияет на твоё решение?

Она смотрела прямо. Не отводила глаз. Обычно Аврора была другой – тихой, пустой, с тем самым остекленевшим взглядом, какой бывает у сломанных кукол. Но сейчас в ней что-то разгоралось. Опасное. И прекрасное. Как «Гостья из Пустоты» – небесная искра, что вспыхивает раз в столетие и гаснет, оставляя только память. Я никогда не видел этого явления, только читал в старых книгах, но сейчас, глядя на неё, я впервые понял, что это значит.

– Твой план может повлиять, – ответил я, подходя ближе. – Но если это просто слова – нам обоим конец. Говори прямо: что у тебя есть?

Она вжалась в кресло, но взгляда не отвела. Её пальцы побелели на подлокотниках, но голос остался твёрдым:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.